

Лана Петровских

«Затеряться в любви»

Лана Петровских

Затеряться в любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101191

ISBN 9785005046437

Аннотация

Любовь существует в бесконечности. Любовь – это свет Солнца, без которого невозможна Жизнь. Окунитесь в любовный мир приключений, и ваше уставшее сердце отзовется надеждой вновь испытать чувственное дыхание приближающейся любви. Эта книга именно для вас! Любовь! Что может быть лучше!

Содержание

Недосказанность	7
Овчинка выделки не стоит...	15
Гоша	39
Долгая встреча	49
Тамара Андреевна	55
Пространство	60
Магия театра	68
Зелёные яблоки	71
Служебный роман	87
Ля Никола	91
Карп	93
Летняя ночь	98
Последствие стресса	101
Должны сбываться	106
Целебный вздох	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Затеряться в любви

Лана Петровских

Любовь существует в бесконечности.

*Любовь – это свет Солнца, без которого
невозможна Жизнь.*

© Лана Петровских, 2019

ISBN 978-5-0050-4643-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор серии рассказов о любви:

«Равняется Любовь», «Девичий роман», «Любовный детектив», «Пятна Роршаха», «Высокоблагородие», «Начало».

«ЗАТЕРЯТЬСЯ В ЛЮБВИ»

*Отношения рождаются от взаимности,
взаимность загорается от желания,
желание возникает от заинтересованности,
заинтересованность появляется от осознания
заинтересованного желания взаимных отношений.*

Круг замкнулся.

В эпицентре – любовь.

Эта книга именно для вас!

Любовь! Что может быть лучше!

Недосказанность

Его звонок раздался в тишине квартиры, когда она только переступала порог. Особенная мелодия, запрограммированная на входящий звонок с его номера, точно сообщала – это он.

– Не обижайся, – в тоне его голоса сквозняком пронеслась холодная вежливость. – Пока имел возможность говорить, сказал открытым текстом, а ты опять в том же направлении.

– Женщины – существа странные. То она понимает с полувзгляда, то не понимает прямо сказанных фраз.

– Ты всегда понимала меня с полуслова... У меня сейчас цейтнот, перезвоню, когда смогу...

– Конечно, звони в любое время дня и ночи... тебе это разрешено, другим нет, – лукаво добавила она.

– Не понял, каким другим? – он вдруг передумал прерывать разговор.

– Ух ты! Неужели я чувствую тонкий аромат ревности? Хоть крошечный?

– Совсем не крошечный, а вполне ощутимый, – в его ответе прозвучала настороженность.

– Когда ревность похожа на лёгкий укольчик – это возбуждает. За два года нашего знакомства я впервые уловила от тебя признаки ревности, забавно...

– А разве не я говорил, что если бы ты была моей женой, то

я покрыл бы тебя паранджой и запер бы дома, – игра в слова нравилась ему.

– Это было сказано на заре нашего первого месяца и, как мне помнится, только для красного словца!

– Тем не менее мы вернёмся к твоим «другим» чуть позже...

Ей очередной раз захотелось сесть в поезд дальнего следования, который уносит прочь от родных мест, обещая вихрь новых ощущений и впечатлений. Глоток свежих эмоций она прописала бы себе в рецепте и твёрдо следовала бы предписанному. Но она не врач, даже не медсестра, хотя мама частенько называла её «скорой помощью», когда она в сотый раз спасала кого-то.

Самой вылечиться не получалось. Она болела им второй год, оправдывая его длительные бездействия, радуясь внезапным мгновениям нежности, редким путешествиям на пару дней – в общем, получалась песня: «Любовь... как боль. Расставание... как дыхание». Но глотки свободы не расширяли, а путали пространство, превращая дни в тоскливый заброшенный мир.

Она вышла на балкон. Весна. Снег таял. Уходящая зима обнажала пролежни мёртвой земли.

Её жизнь для окружающих представляла жирный кусок удачи, вызывая зависть. Высокооплачиваемый специалист,

красавица, умница, с комсомолом не получилось в связи с перестройкой в обществе. Командировки в Европу, престижный автомобиль, жилплощадь размером с теннисный корт. И, конечно, востребованность.

Вниманию противоположного пола завидовала даже близкая подруга, имея тихое семейное счастье.

Смешно и грустно. Когда ты имеешь всё, кроме эквивалента зарплаты, о котором мечтаешь, то считаешь спокойный уют обычным существованием. Когда у тебя есть всё, кроме домашнего очага, ты готова отдать все материальные блага за семейные ценности.

Воплотить мечту тривиально не получалось. Её единственное замужество закончилось банальным разводом с разделом имущества. Пять лет жизни в браке дало ему право на совместно нажитое, хотя последний год он был «домохозяйкой» без прилагаемого желания к ведению этого хозяйства.

В течение долгих шести месяцев после судебных дразг она выздоравливала.

Как началась её новая история, она припоминала с трудом. Он утверждал, что заметил её на юбилее общих знакомых, когда она была с бывшим. В недрах своей загруженной памяти ей казалось, что она тоже вроде бы отметила его – элегантного, статного.

Но ни лица, ни цвета костюма, ни его поздравительных слов юбиляру она не запомнила. Ярко-красный галстук –

единственное, что память предлагала в качестве компенсации её невнимательности.

Следующая их встреча была через год и вновь на юбилее общих знакомых, куда она пришла с одним только желанием – напиться и подцепить кого-нибудь на время. Рана от предательства ещё кровоточила.

В тот вечер она запомнила его отчётливо. Взгляд охотницы поймал его заинтересованность. Но он был с женой – милой домашней курочкой в хорошем смысле. Такая всегда выслушает, найдёт оправдание плохому настроению супруга, создаст уют даже в шалаше и будет ненавязчиво оберегать от нервозности жизни.

Создавать комфорт для других и себя у неё тоже получалось без трудностей, но балансировать, уступая в процессе ссор или партнёрского недовольства, она не любила. Говорила обычно сразу то, что раздражало. А раздражала неопрятность в доме, в отношениях и в душевных качествах. Видимо, поэтому муж ретировался, не желая слушать её максимализм. А в качестве компенсации прихватил добрую половину приобретённого ею.

В тот вечер, когда напиться не получалось, она, скучая, стала отвечать долгим недвусмысленным взглядом на его заинтересованность. Она даже пригласила его танцевать, вдруг поймав себя на желании прикоснуться к нему и почувствовать хоть какой-нибудь отклик в своём одиноком теле. Реакция тела весьма удивила. Когда он приобнял её талию, по-

шла общая вибрация по организму. Непроницающий алкоголь мгновенно всосался в кровь и одурманил мысли.

Ого! У него крепкие, ненаглые руки, нежные, но требовательные. Интересный мужчина!

Утром сознание разбудило ее головной болью. Реанимировавшись чашкой капучино, она облокотилась на подоконник и стала вспоминать, чем закончился вечер.

Потом он рассказал, как она тихо мурлыкала слова песни, которая соединила их, ласково прикасаясь к его уху. Он сделал вывод, что не ошибся в своём выборе.

– Я тебя не знаю, но я тебя чувствую, – эти слова он произнёс на первом свидании. Номер телефона она прошептала вместе с мелодией танца.

– Хороший номер, – улыбнулся он в ответ.

Она запомнила его улыбку – искреннюю и открытую. А прищур его глаз в сочетании с улыбкой повествовали о единственно верном определении его сущности – игрок с лёгким уклоном романтизма.

Забавно, ведь по натуре она тоже была – игрок.

«Наши встречи – это всегда встречи с прекрасным» – его умение выстраивать фразы изумляло её. Красиво излагать мысли не каждому дано.

В первый совместный вечер они, прощаясь, долго сидели в машине, почти не касаясь друг друга. Смотрели, говорили,

молчали, вздыхали.

Оказавшись дома, она причинно стала плакать. Не от одиночества, не от ущемлённого желания тактильности. Слезы выплеснулись наружу как компенсация за необъяснимую нежность, которая не только проникла внутрь, а заполнила все клеточки её обыденной бесчувственной жизни. Возникло желание не отпускать его никогда. Это испугало. Слезы вместо успокоения приносили смятение.

Он позвонил через полчаса, когда добрался до подъезда своего дома, а она продолжала молча вытирать катившиеся слезинки, боясь, что вся необходимая для жизнедеятельности влага сейчас вытечет. И как срезанный цветок, она засохнет в одиночестве забытой банки. Испугавшись непростой реакции своего организма, она сказала ему, что плачет.

«Я обнимаю твои эмоции» – прошептал он в трубку.

Ну как тут можно было спокойно заснуть и жить дальше?

С этого дня её ночи стали бессонными, короткими. Где она черпала энергию для дневного сумасшествия на работе?

Чувства и эмоции захватили её.

«Влюбиться в душу, не касаясь тела» – великие слова буддийского мудреца. Почти не касаясь...

Второй год на адреналине эмоций, в полном погружении в него, с эпизодическими мгновениями их соединения – как можно было так прожить огромное количество дней, она до сих пор не понимала.

Умеющая чётко и жёстко говорить «нет», она таяла не только в его буквальном присутствии, но даже вспоминая о нём практически ежечасно, она увязала в медово-сахарном сиропе собственных ощущений к нему. Её игральная тактика дала трещину, куда провалились практичность, независимость и свобода. Боясь показаться навязчивой, она не пролонгировала свидания. И, удивляясь своей нерешительности, впадала в зависимость от его возможности для встреч.

Структура его занятого пространства изредка вмещала её. Он скучал, шептал что «не может быть без неё», что «она нужна в его жизни» – и тем не менее их свидания можно было вполне уместить в десятку лучших эпизодов ушедших месяцев.

Единожды она спросила:

– Ты что-нибудь чувствуешь?

Он ушёл от ответа на четыре часа, написав из дома вечером сообщение:

«Чувствую...»

ОНА – «Смотрю на это слово „чувствую“... и куда-то погружаюсь... во что-то нежное, доброе, ласковое».

ОН – «Это называется – объятие...».

ОНА – «Приятное ощущение...».

ОН – «Теплоты... Я выпил коньяку... сбалансировал опьянение тобой».

Он умел одной фразой опрокинуть её сознание.

Ночами она писала ему письма, так ни разу не отправив

их почтой. Письма множились. А мечты таяли на рассвете. Постоянное ожидание... непредсказуемость... недосказанность... Абстракция в отношениях безжалостно уничтожала её...

(2016)

Овчинка выделки не стоит...

МАРИНА

Она укладывалась спать. Стрелки на стенных часах приближались к половине второго. Ее комната в коммунальной квартире напоминала жилище интеллигентного дикаря, как в классике – «между Пушкиным и тапочками» она находила себя.

Зашедшему гостю обстановка показалась бы переездной: коробки, стопочкой книги, упакованная в чехол люстра, скатанный в громоздкую трубу ковер... Но это была видимость чемоданного ожидания новоселья, просто ей так было удобно и уютно. Своеобразное отношение к вещам совсем не поглощало ее драгоценного времени, которым она упивалась, выплескивая на полотно причинную и необузданную фантазию. Причиной ее вдохновения могла быть надломанная кем-то веточка, чья поруганная часть безвольно качалась на ветру, подставляя взорам пластику нежной души в виде бледной раны на своем теле. Пожалев, она писала ее нежность красками. Она могла видеть радость, глоток жизни в простой нелепице и каждодневной давке.

Окончив художественное училище, она работала в обычной московской школе на ставке преподавателя рисования, при этом украшая школу и ведомственный летний лагерь

своими эмоциями в вариантах красочных панно или в дежурных стендах.

В отвлеченное от работы время она творила, используя природный материал, кусочки текстильной промышленности и пушной фабрики. Ярким украшением ее коммуналки были пять метровых панно, плавно переходящих одно в другое.

ВЕСНА. ЛЕТО. ОСЕНЬ. ЗИМА. ВЕСНА.

Необходимо, чтобы Весны было именно две, а то какое продолжение может быть после мороза, темноты и холодности.

Правда, с годами, останавливаясь взглядом на причудливых картинах, ей все чаще хотелось повторить Осень... Возможно, это напоминание о золотой зрелости или спелости.

Шафрановые, ярко-красные, коричнево-шоколадные тона с облетающим кружевом зелени говорили об ускользающих годах, ожидании, о сборе урожая ее чувств, красоты... Золотой блеск ее лет, яркий последний всплеск перед затмением, угасанием.

Нет, все-таки еще рано, ей только тридцать семь. И этот сочный зеленый на полотне будет НАДЕЖДОЙ ее юности, молодости, свежести. Природа олицетворялась с женщиной.

ВЕСНА. С ясными голубыми глазами, нежно наклонив голову, она смотрела вверх, спрятавшись за первыми клейкими листочками. Светлые птицы, осыпая бугорки пожухлого снега подснежниками, летели в далекие открытые окна до-

мов, принося пробуждение и восторг теплого солнца. Девушка-Весна застенчиво красовалась, прикрывшись воздушной накидкой изумрудно-лимонной ткани. Краешек светлой туфельки еще утопал в снегу, постепенно растапливая нашу зимнюю неуклюжесть. С холста как бы стекала вода, прозрачная и ледяная.

Марина подставила к раме белый пластмассовый таз, где в налитой из-под крана воде плавали кусочки пенопласта, еще больше при этом оживляя картину.

– Такое могла придумать только Матильда, – любил повторять сосед Коля шестидесяти лет, с набором радикулита, сварливой жены, постоянных больничных и пивных дней.

Почему Матильда? Марина не помнила, но Коля появлялся в ее комнате часто, долго рассматривал новое творение, тяжело дышал, попыхивая папиросой, и приговаривал.

– Такое могла придумать только Матильда!

ЛЕТО. Босоногая зеленоглазая пастушка в льняном платье до колен, украшенном настоящим бисером, который Марина пришивала к холсту, прокалывая пальцы. Радужный зонтик из бабочек и мотыльков улетал к горизонту раннего рассвета.

Светлые волосы серебристой ленточкой запутались в пышной лесной дубраве, превращаясь в яркий водопад горной голубой реки. Девочка-лето бежала, оставляя на раскаленном песке прозрачные следы быстрых ног, пытаясь до-

гнать собирающуюся тучу с теплыми каплями дождя.

Венок из колокольчиков, ромашек, васильков, маков немного сполз на бок, толкнув тяжелую ветку сосны с рыжей белкой-летуньей. Та, удивившись, уронила сочную ягоду на белый одуванчик, и полетели крошечные зонтики наперегонки со стрекозами и шмелями.

ОСЕНЬ. Прислонившись к краю холста, сидела Золотая женщина, длинные тяжелые волосы убегающей косой превращались в стог душистого сена. Темная липа упругим стволом чернела у пыльной дороги, поворот которой блинно блестел после шумного дождя.

Неровная лужа отражала сине-голубое небо, журавлиный клин и сочный лист клена, медленно падающий вниз. Серебристая паутинка дрожала, проглатывая капризные капли. А рассыпанная корзина выставляла напоказ дары. В глубине, спрятавшись от томного солнца, от осыпающейся золотой листвы, зеленел островок у подножия засыпающей березы – клеверный уголок уходящего лета.

ЗИМА. Марина решила нарисовать снежные клубы и пепел сгоревшего восторга природы, но, посмотрев на получившееся, поежилась. Добавила серебристый, совсем не зимний туман, ветку праздничной елки и глубокие сине-серые глаза Снежной Королевы. Красота, независимость, сила и незащищенность, желание начать все сначала, набело.

Марина ложилась спать и перенесла телефон на кресло,

куда можно дотянуться рукой, а не бежать спросонья к садистскому аппарату. Как-то уснувшая под утро, она легко уничтожила громогласный телефон, подрезав ему «язычок». Рядом оказались ножницы, и она, недолго думая, расстригла черный шнур, звон моментально прекратился, и приятная волна нахлынула на нее, унося снова в сон. Наутро телефон починил дядя Коля, понимая в проводах и пережженных утюгах значительно больше, нежели Марина. И потому такой варварский метод самосохранения практиковался у художницы. И на кресле к ночи почивали телефон и ножницы.

ОЛЬГА

Ей снилось счастье. Она мчалась в ночном поезде, с замиранием, восторгом и страхом высовывая голову в приоткрытое окно. Сметающий ветер уносил ее волосы, заполняя глаза морозным запахом свободы. Она плакала, плакала от лихого ощущения жизни. Нет одиночества и страдания, запаха хлорки и безденежья. Все осталось на предыдущей станции. Ее ждет только радость и цветущая тишина безмятежности. Она хотела открыть окно еще больше, надавливая на стекло, желала полного освобождения... Рама не поддавалась, а медленно поползла вверх. Просунув руки в щель, она повисла, стараясь оттянуть жестокое окно. Но слабость не могла удержать неведомую силу злого... Окно захлопнулось, больно

придавив пальцы.

Ольга вскрикнула и проснулась.

Потолок давно требовал ремонта, казался таким же уставшим и безнадежным, как она сама. Будильник торопливо близил рассвет, пора вставать и начинать ненавистный день. Ольга Павловна приходила на работу раньше всех, уходила позже всех. Она была одинока. Но не всегда она была одна.

У нее есть сын, который далеко от нее километражно и душевно, и не сравнить, что больнее. Раньше она могла часто приходиться к нему и смотреть в течение маленького часа, пока не начнется его раздражение.

– Я не пойму, почему ты всегда чем-то недовольна? Наташа не нравится – чрезмерно болтливая, Павлик – маленький и бедненький. Почему бедненький? У него всего как в супермаркете... Мать, от твоего кислого выражения молоко сворачивается...

И она уходила, почти не обижаясь на слова сына. Сашенька был слишком загружен, много работал, мало отдыхал и потому был неприветлив. Но раньше она могла приходиться в его дом.

Теперь... Сашенька после института уехал с семьей в Краснодар. Звонил редко, открытки подписывала невестка, а Павлик еще маленький, чтобы помнить о бабушке. Сашенька был неудержим, его бурный брак, ребенок – на всех любви не хватало. Ольга это понимала. Что остается ей? А быть может, Сашенька мстил за несозревшую любовь, тво-

рением которой он появился на свет у несовершеннолетней мамы. Сколько шуму было тогда. Только уборщица общезнания ласково приговаривала:

– Не печалься, милая, как хорошо, мамочка и сынок, как братик с сестричкой. Он всегда понимать тебя будет...

Вову, как молодого родителя, в армию не забрали, но через полгода он сам решил погнаться за «длинным» рублем на Дальний Восток. Ольга осталась жить в его доме, в светлой комнатке, на длинные три года под присмотром свекрови. Подмосковный городок напоминал родной Томск.

Сашеньке исполнилось четыре. Муж запил, как-то сразу много и грязно. В маленькую тесную квартирку стали приходиться чужие немывые люди, громко шумели на кухне, разбивалась посуда, осколки и черепки которой заполнялись Олиными слезами. Через год Владимира посадили за воровство, дали два года.

Свекровь поступила порядочно, волшебным образом поменяла квартирку на московскую прописку с большой комнатой в перспективной коммунальной квартире и оставила на пожизненное проживание внуку и «тихой девочке», как называла невестку. Ольга приняла дар спокойно, без лишних эмоций, как, наверное, все принимала в жизни.

Ее учеба закончилась с рождением Сашеньки. Считая себя разумной женщиной, помощи из дома не ждала, полагалась только на свои силы. Подрабатывала уборщицей в магазине и нянечкой в детском саду, где рос Сашенька. Потом

устроилась в школу, окончила вечернее педагогическое училище и снова была рядом с сыном.

Сашенька вырос и уехал, остались пустой дом и работа. Школа ей нравилась, восполняя ушедшее скорое детство.

Пора было вставать и начинать ненавистный день. Через два часа детские голоса заполнят пространство, и ей полегчает.

МАРИНА

Пятница. Радостный вдох перед выходными. Вечером в Маринину поэзию ворвался младший брат. Мишка принес душистый светло-зеленый необыкновенно крупный виноград. Большие ягоды, наполненные южным солнцем, улыбались изнутри. Не придерживаясь дисциплины режима и питания, Марина твердо соблюдала гигиену при употреблении ягодно-фруктового блаженства. Упаковав спелость в белый пластмассовый дуршлаг, она поставила его под брызги смывающей воды. Тщательно моя каждую ягоду, она отрывала ее от материнского ствола, ощущая себя передовой дояркой. Обхваченный пальцами дар юга, попадая в ладонь, напоминал толстый влажный сосок коровьего вымени. Что-то садистское было в этом действии. Хватаешь и отрываешь.

Горка из ясного винограда построилась на тарелке и радовала комнату. Мишка набросился на свой подарок, и хозяйка испугалась, что в ход его голодности пойдет тарелка.

Она отодвинула оставшееся основание былой горки и укоризненно посмотрела на брата:

– Что за манера, приходишь ко мне налопаться, словно дома тебя не кормят?

– У тебя просто вкуснее, – ответил он и подтянул тарелку ближе.

– Ты какой-то неумытый, давно чистился? – интересовалась сестра.

– Недавно, – неопределенно ответил Мишка. – Чё приста-
ла? Не нравится, уйду.

– Да ладно, сиди. Может, в моих стенах поумнеешь.

Мишка после окончания школы целое лето страдал от лени. Учиться не желал, работать не хотел, особыми талантами не отличался, но был незлобив и доступен для понимания. Даже свойственная его возрасту пора влюбленности как-то миновала его. Правда, Мишка умел мечтать, этому в семье Смеянов учились с младенчества. Врываясь в мир Матильды, мальчишка немного оживал, что-то начинало интересоваться, лакомить его сердечко.

Особенно он любил угадывать незавершенные картины сестры. Он медленным взглядом блуждал по полотну, то приближая, то удаляя нос от скопления красок на холсте.

Марина с любопытством наблюдала за преображением гадкого утенка, порываясь нарисовать его в такие моменты. Но как только она брала карандаш, вся Мишкина изюмин-

ка сморщивалась до размера макового зернышка и засыхала. Он робел, ложился на кровать и затихал свернутым калачиком. Она любила его. Иногда ей казалось, она любит его как собственного ребенка.

Матильда замуж не ходила, считала подобное «хождение за три моря» утомительным и безрезультатным. Варить обязательные обеды ей не нравилось, а романтической сдобы хватало с теми, которых она выбирала из разнолицых мужчин.

Непродолжительные встречи не обязывали ни к чему, а чувство вдохновения, скопившееся в ней за неопределенный срок, свободно выплескивалось после. Мужчина как винодел, вернее, откупорщик шампанского. Нужная пружинка откроется и выпустит на свет и краски, и дремавшую энергию богов. После гусарского хлопка мужчина уже не интересовал.

– Ты все-таки стерва, используешь мужиков! – совестил дядя Коля. – Попадись ты мне в молодости, спуску не дал бы, приструнил и замуж бы взял.

– Вот видишь, ты состарился, других Колумбов нет, бесцветные все какие-то.

Через час Мишка ушел, унося привет родителям и барскому коту. Отец прозвал подзаборного Ваську «барином», любил поговорить с ним по душам после выпитого пива и съеденной на двоих воблы. «Барин» умывался, скребя се-

бя лапкой, отец попыхивал папиросой, отгоняя рукой едкий дым от Васькиной мордочки.

Отец. Он всегда был добрым, молчаливым тружеником. Любил маму тихо, по-домашнему, скрывая нежность к «Рябинушке». Отцу нравилось придумывать ласковые подсказки для имени. Что особенного может быть в имени – Ирина, Ирочка, Иринушка, а вот «Рябинушка» говорила сама за себя.

Мама. Она, действительно, напоминала стройное деревце. Хорошая улыбка, добрые руки. Строгость в ведении домашнего хозяйства. Съедаемые наперегонки пироги с мясом, малосольные огурчики, ярусные оладьи. Она ассоциировалась с едой и вкусными праздниками.

С отцом они вместе работали на стройке. И запах краски глубоко проник в память Марины, превратившись в тягу к изображению. Она до сих пор, смешивая краски, чувствовала дыхание детства, материнскую заботу и суровую ласку отцовской щетины.

Глава

Обычный день августа протяжно напомнил о зрелой молодости. Женщину средних лет, Марину Львовну Смеян, уходящее лето неприятно ущипнуло за морщинки. Порхающая, как девочка-подросток, Марина порой не замечала свои не по возрасту эмоции и чертовщинку в глазах.

– Тебе скоро сорок, – укоряла администратор школы.

– Скоро сорок, сорок скоро, – передразнивала Марина, – Похоже на что-то сорочье... Сорока-белобока кашу варила, деток кормила, всем дала, а тому несчастненькому прожорливому не дала, где справедливость?

На педсовете суета напоминала птичий двор во время кормежки.

Еще бы, в педагогическом коллективе появился новенький, хотя новЕНЬКий – смешно сказано. Слово с ласкательным суффиксом – подобное могло относиться к маленькому щупленькому дядечке, а пред женскими возбужденными глазами предстал НОВАК, именно так прозвала его про себя Марина.

Бывший военный (немного странное сочетание «бывший военный»), как-то не связывалось в голове. Военный должен оставаться военным, а значит, собранным, целеустремленным, готовым защищать, невзирая на отсутствие опасности.

Хорошо сшитый костюм важно сидел на его крупной фигуре. «Такой ни в танк, ни в подводную лодку не поместится!» – подумала Марина. Черты его лица были спокойные, выдержанные, усердно сжатые. Конечно! Его ощущения сейчас могли сравниться с глубокой разведкой в тылу противника.

Юрий Николаевич Долгов. По его виду никаких долгов он не приемлет, не одобряет, не дает и не откладывает. «Юрий Долгорукий» – очередное имечко было мысленно отправле-

но в его броню. «Очень длинные или длинные руки».

Марине стало смешно от собственного разгильдяйства. И как наказание за вольность прозвучало решение администрации школы. Подсобную комнату при актовом зале, в которой Марина бережно хранила любимые работы детей и всевозможные атрибуты, присущие живописи, ей придется разделить с новым преподавателем начальной военной подготовки.

«Ну вот, скоро ее комната будет завалена противогазами, ружьями, пулеметами в придачу с тачанками. И ее нерушимые апартаменты быстренько превратятся в комнатусечку с общим входом и душным воздухом».

Но, заметив завистливые иголки дружного педколлектива на своей голове, вмиг превратившейся в голову ежика, Марина торжественно обвела взглядом присутствующих жаждающих дам и сказала:

– Я охотно провожу вас и покажу этот кабинет.

Ей хотелось сказать «номер», но это пахивало гостиницей и вульгаризацией.

Впрочем, это ее не смущало, потому что возникший мужчина, в отличие от всех бесцветных, проявился в болотно-зеленой гамме.

Поздним вечером Ольга перебирала старые журналы. Лампа мягко освещала полукругом краешек комнаты. За окном было неуютно и сыро, начинались дожди. Сентябрь вхо-

дил в свои права: зашелестели учебники и листва, возникали двойки и лебедями невидимо плыли по осенним лужам, а пятерки будущим летели в облака. У нее – новый класс, малыши, чье стремление к учебе теперь зависело от нее. Она раскрыла журнал нового класса и продолжала знакомиться. Адреса. Родители. Телефонный звонок.

– Ольга Павловна, здравствуйте, это Наташа, – голос невестки радостно искрился в трубке. – Мы с Сашей поздравляем вас с началом учебного года!

– Спасибо. Как Сашенька? Павлик?

– У нас все хорошо, Саша работает, очень доволен. У Павлика новая воспитательница. Он с удовольствием ходит в садик... И еще у нас радость, к восьмому марта... тьфу, тьфу, тьфу... у вас появится внучка.

Волна нежности подкатила к глазам и, отхлынув, комом собралась в горле.

– А почему Сашенька не позвонил?

– Он передает вам привет. Возможно, к Новому году будет командировка в Москву, приедет. Извините, у меня монетки заканчиваются...

Короткие гудки быстро заполнили эфир. Огорчение и радость. Мог бы и сам позвонить, сын все-таки! Кто ей, по сути, Наташа? Посторонний человек, а он – сын. Обидно. Внуков рожают – это хорошо, может, они, повзрослев, захотят жить в столице.

Через одиннадцать с небольшим она выйдет на пенсию

и займется внуками. ВЫЙДЕТ. Словно из автобуса, который привез в парк и дальше только пешком, пока хватит сил.

Глава

Чаепитие проходило в учительской в промежутке между сменами. Приходили все, кто уже закончил воспитательный процесс на сегодня, и те, кому продолжать «сеять разумное, доброе, вечное» во второй смене. За чаем и разговоры: о доме, подвигах детей, о квашне-соседке, о вечных ремонтах, отпуске и, конечно, о мужчинах, чаще о посторонних.

Преподаватель физкультуры приходил редко, и всегда был обласкан. Его жена, бухгалтер школы, охотно позволяла желающим дамам поухаживать за своим мужем. Учитель истории Твалд Твадце присутствовал ежедневно, комплексный обед заменяло питье грузинского чая в кругу коллег. Он говорил тосты, поднимая чашку в красный горошек, был приятен и увлечен молоденькой учительницей начальных классов Аллочкой, похожей на овечку. «Волк и его овечка» – так за глаза их называли. Кто кого съест? Развязка русской народной сказки на практике оставалась непредсказуемой.

Второго сентября, когда нервотряска и суэта открытия сезона улеглись, статные классные дамы ждали на торжественном чаепитии нового кавалера. Но майор запаса подкачал, Юрий Николаевич не пришел. Игнорируя или испу-

гавшись, он затаился. Женщины немного повздыхали и вернулись в прежнее русло непоколебимой традиции распития ароматного чая.

Марина редко заглядывала в импровизированное кафе, предпочитала за общим столом пить веселящие напитки, воспринимая чай только из термоса с витаминными добавками и луговыми ароматами. А на работе предпочитала кофе. И так как кабинет был поделен с союзником, то само собой сложилось их тайное кофейное общество. Кофе с молоком и общение.

Марина втянулась. Юрий был интересным собеседником. Он немало колесил по стране, рассказывал с упоением, эмоционально и красочно. Они, как члены тайного общества, держали клятву о конспирации по времени и содержанию сходов.

Появилась ниточка, постепенно вырисовывая их отношения. Легкая прозрачная паутинка их невидимого соприкосновения крепла, постепенно превращаясь в прочное кружево встреч и желаний.

Их первая близость была яркой, как вспышка, в тесной комнатухе по соседству с актовым залом школы, где они часами могли безнаказанно пить горячий кофе и говорить. Жажда была обоюдной, острой, словно они не виделись много лет и в прошлой жизни безумно любили друг друга.

Тюбики с краской впивались в тело, Марине казалось, что вползает газовая атака, и она надела противогаз, воздух сжи-

мался в легких, столпившись у входа. Для завершающего пика ей хотелось, чтобы грянул духовой оркестр. Она и сама бы справилась, привязав к ногам медные тарелки. И грохнуть со всей силы до звона в ушах.

– Что-то творится со мной, – говорила Марина, спрятавшись под мягкий плед подруги детства. – За четыре месяца я ничего не написала, даже эскизов нет и, самое странное, я не хочу подходить к мольберту.

– Ты влюбилась. И серьезнее, чем думаешь.

Догадка подружки была правдой. Матильду закружил роман, не очередной, а небывалый. Их интимные встречи на пятом этаже школы, прогулки под дождем, изредка крохотный выходной в ее коммуналке. Его нечаянно забытые вещи, которые она приносила в школу, каждый раз чувствуя себя на таможне с контрабандой под взглядом администратора.

Их тайная совместная жизнь поработила ее, но избавляться она не хотела. Марина доверчиво каялась подруге:

– Ты знаешь, когда я устаю, то ощущаю себя старой авоськой. Холодно, со всех сторон дует, а он словно все сквозняки заштопал, и я очутилась в тепле, но в темном и душном мешке. Тебе не кажется, что у меня крыша поехала? Я, как дореволюционная прачка, хватаюсь двумя руками за него, ища заступничества, мол, без него пропаду. Куда исчезла моя амазонская защита?

– Марин, ты его просто любишь и, как любая женщина, хочешь, чтобы он был только твой.

– Я не любая женщина... Но, правда, хочу, чтобы он был моим...

– Ну и хорошо, он и сам не заметит, как женится на тебе!

– Он и так не заметил, когда его женили лет двадцать назад.

Подруга оторопела, не зная, как поддержать:

– Бедненькая ты моя.

– Ты с ума сошла?! Какая я бедненькая, я на крыльях летаю, а ты меня жалеешь, – возмутилась Матильда.

– Сейчас летаешь, а потом?

– А после ничего не надо, главное, сейчас... Все! Я пришла в норму, хочу его видеть!

В автобусе было тесно и влажно. Ольга сидела у окна. Проезжая большой каменный мост, подумала: «Так душно, а они фонари зажгли». И сама удивилась нелепости своей мысли. Фонари не зажигают в зависимости от жары или холода, просто становится темно. Ожидая Сашеньку, она каждую неделю перемывала посуду, вилки, вазочки. Стирала шторы, на снегу выбивала давно забитый неживой ковер. Она ждала сына. Наташа звонила и рассказывала о том, чего Ольга не хотела знать. Только один вопрос: «Почему не приехал ее Сашенька? Почему не звонит сам?» Хотя на все свои «почему» она знала ответ.

Глава

Месяц зимы пролетал последними денечками. Марина, наслаждаясь жизнью, вернулась к краскам и рисовала его портрет. Он позировал и торжественно молчал, словно с его лица снимали посмертную маску. Не шелохнуться, а то пропадет целостность.

– Ты что такой трагичный, мученик?

Матильда, добавив к наброску деталь, бежала к нему целоваться, чем непоправимо искажала его помпезное лицо. Он отмахивался, но не отпускал ее.

– Таким образом, ты будешь рисовать меня лет сто.

– А ты испугался? Не переживай, дядя Коля не даст умереть с голоду. Зато через двести лет люди поймут, какой гениальный образ я воплотила на холсте. Я тебя красками буду рисовать и в полный рост, как генерала, правда, генералов я никогда не рисовала, но это мелочи, у меня получится, я знаю... А ты, отголосок двадцатого века, веришь в меня?

Марина больно обхватила его локтями, заглядывая в глаза.

– Верю! – выдохнул он, испугавшись быть удушенным.

На следующий день в школьной программе был запланирован вечер всеобщих родительских собраний. Ольга Павловна закрывала входную дверь квартиры, когда звонок при-

звивно запел в коридоре.

– Алло?

– ...Это я, – тихо ответил мужской голос.

– Сашенька, родной мой, где ты?

Ее голос задрожал, и быстрые слезы обожгли щеку.

– Я в Москве... по делам.

– Я жду тебя, когда ты приедешь?

– ...Дело в том, что я... уезжаю. И если бы не Наташа... я обещал, что позвоню тебе.

– Как уезжаешь? Хотя бы на час...

– Я звоню с вокзала, через десять минут поезд...

– Как же так, только приехал и уезжаешь?

– В Москве был два дня. Приеду домой, в Краснодар, позвоню... не обижайся...

Ольга присела на край табуретки, обессилена понимая зловещность его слов. Она тихо плакала, трубка вторила ей унылыми гудками. Ее сын переставал быть сыном Сашенькой.

И в этом она виновата сама. Не зная нежной любви, связавшая в узел женское начертание, она превращала свою жизнь и жизнь сына в будничную каменоломню, где никому нельзя верить, никого нельзя любить, только спокойствие и чистота могут дать радость. Слишком рано она поседела душой.

Вечером организованное администрацией большое роди-

тельское собрание. Осторожных родителей запускали в актовый зал и вели отчетное сообщение об успеваемости и перспективах школы. Затем слегка пригубленные родители шли на собрания своих классов. Первая общая часть закончилась, и преподаватели, не имеющие классного руководства, быстренько разбежались по домам. Марина заглянула в каморку и обнаружила там Юрия, который разливал дымный кофе в горло двум чашечкам. Она пружинисто подкрадывалась сзади.

– Я тебя ждал, – не оборачиваясь, сказал он.

– Ну вот, опередил. Представляешь, какой был бы эффект неожиданности?

– Представляю. Твой визг, на который сбежалась бы вся школа, и мои обожженные кипятком пальцы.

Марина замурлыкала, заискивая перед ним:

– Долгорукий. Я буду подлизываться, потому что хочу нарушить твою неприкосновенность здесь и сейчас!

– Неразумно, Мариш. Это было простительно первый раз, но теперь есть разрешение заниматься этим дома, в твоей хижине, зачем компрометировать нас?

– И этого человека я люблю и нарисую для потомков? Никогда! Долгорукий! Ты ли это? Откуда такая щепетильность и правильность? Раньше тебя не заботило чувство морали на рабочем месте...

– Сладкая моя, я реалист и преступник. Я завладел тобой, но я и боюсь за тебя. Будь благоразумна, сегодня вся адми-

нистрация на ногах.

– Под пулями интереснее и острее!

– Так мы на передовой?! – он начал отставлять чашки в сторону. – А мне, как истинному солдату, неприлично отступать, и я возьму эту крепость...

Он порывисто сорвал заливающуюся от счастья Марину со стула и закружил, рискуя удариться всевозможными атрибутами.

Он любил ее страстно, упоительно, красочно, как рассказывал свои рассказы, которыми покори́л, забросал, околдовал...

Дверь осторожно приоткрылась... Увидев подобное, ошеломляющее, непристойное, она не вошла, осталась в темном коридоре. Разврат, ничтожество в стенах дорогой школы. Она сумеет положить этому конец.

Ольга Павловна категорично отправилась за директором. Нужен свидетель, и она уничтожит эту грязь, эту мерзость.

Сцена была впечатляющая, большего не скажешь. За ней последовал бурный скандал, замять который оказалось невозможно. Два заявления по собственному желанию.

Марина вошла в класс Ольги Павловны.

– За что вы меня так?

Пожилая женщина подняла глаза и впервые за многие годы спокойствия закричала:

– Я ненавижу таких, как ты! Ты не достойная! Ты – грязь-

ная!

– ...Мне жаль вас. Быть женщиной – это такое счастье.

Долгорукова срочно, как увесистую поклажу, увезли. Марина отпустила его, не желая настаивать. В нем вдруг что-то сломалось, и она это чувствовала. Не простившись, он испуганно предавал. Он походил на каторжного декабриста, но в Сибирь за ним поедет не Марина. «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...»

Перед тем, как сжечь, она последний раз прочитала свое письмо к нему:

«Получается, я иду к нашему свиданию целую вечность, ты звонил два дня назад, а я все откладываю свой полет с тобой. Стыдно, превращаю страстное желание в неловкую паузу. Я брошу все дела, пусть утонут в болоте скучности. Только ты! Там, где ты – нет тоски. Яркая кружевная лестница вверх, к солнцу, с прекрасными надежными перилами твоих крепких рук. Кошунство идти по тебе, как по ступеням, и наслаждаться. Дай хоть немного постоять или пробежаться по ним, боюсь, очень скоро мы поменяемся местами, я стану лестницей, тянущей в колодец пронзающей беды. Ты разлюбишь меня, и, как по трупу, уйдешь по мне и от меня... И потому хоть сейчас не дай мне оступиться, потерпи мой эгоизм. Очень скоро, к несчастью, мы поменяемся, как игральная карта. Дама была вверху, жизнь перевесила, перекосила, ты первый, а я в западне... Такова реальность. Но это-

го пока нет и, зная наше будущее, я все равно бросаю вызов и бегу к тебе, по твоей лестнице вверх, чтобы, достигнув высоты, упасть и кануть без тебя».

Она оказалась права. Но это не конец сказки.

«Овчинка выделки не стоит». Ее любовь по истечении срока вышла за границы и ускользнула. Переживать? Свои эмоции она выплеснула в красках. А любовь? Может быть, ей не везло на продолжительность? Любовь могла перерасти в стойкое уважение, привязанность, но для этого необходима дисциплина быта, постоянное выбивание пыли и мусора из характера, выделывание дубеющей на жизненных ветрах «кожи», которая, как оболочка, защищает от разлук и бед, и только так можно сохранить любовное тепло. Но для Марины это чувство могло быть только страстным, ярким, мимолетным. Ей не хотелось выжимать любовные соки, не стоит.

Ей нравилось смотреть на беременных женщин, ее волновала их кротость и внутренняя сила нежности. Они красивы. Но изучать пристально в глаза она не решалась, боялась смутить.

Скоро кто-то другой будет разглядывать ее, совершенно не тревожа. Она входила в новое торжество собственной МОЛОДОЙ жизни.

(1995)

Гоша

Погром, устроенный в моей квартире, однозначно сигнализировал о кончине... кончине наших отношений.

Не стесняясь быть неприличным, он выворачивал наизнанку полки моих шкафов, комода, прикроватной тумбочки... Он не искал свои вещи, он мстил моему образу жизни, моей щепетильной преданности порядку, в котором не нашел ни своего места, ни своего будущего. Имея трусишные (от слова трус) наклонности, он уничтожил мою надежду на совместную жизнь втихаря от меня, устроив выход своим негативным расстройством в момент моего отсутствия. Кроме своих вещей, он ничего не забрал, если не считать эзотерические мотивы моей сущности.

Моя душа, хватаясь за его огромную сумку, остатками любящего вещества пыталась затормозить внезапный уход. Спотыкаясь о его грубость, она падала, больно ударяясь о неровности пола, асфальта, по которому волочилось ее невидимое тело.

Как происходит, что любовь разламываясь, всей своей силой и нежностью остается в одном, и полностью исчезает в другом, оставляя вместо себя ненависть, злобу, равнодушные... смерть.

Неделю я не могла убрать ни одного упавшего предмета в квартире, потому что сама упала и разбилась. Собрать

осколки хрустального мира, в котором я еще дышала ушедшим, помогла подруга, явившаяся в мой опустошенный дом ранним утром.

Меня, как лежачего больного, переложили в светлую чистую комнату, напоили душистым чаем, согрели теплом равнодушия. Она осталась ночевать, расположив надувной матрац в метре от меня. Её воспоминания приятной волной качали меня, нашептывая, как чудесна была наша детская юность, походы в лес, байдарки, встречи одноклассников.

Женский организм – потрясающее соединение непостижимых, нелогичных порой веществ. Имея в душе огромную дыру от внезапного предательства, утром воскресенья я смогла не только встать, но и почувствовать легкое прозрачное чувство облегчения. Сначала я даже поругала себя, как это я быстро выкарабкалась после душевной травмы, даже улыбнулась вдруг возникшим в голове словам – после тяжелой непродолжительной болезни пациент... воскрес без осложнений для организма и окружающих.

Я спаслась чудесным образом, не утонув в соленом потоке одинокой жалости к самой себе. Даже странно... Хотя вполне объяснимо... Мне на голову, фигурально выражаясь, свалился крупный подросток с увесистым неподъемным рюкзаком, папкой документов и письмом от наших родственников. Пока я зализывала сердечные раны, в течение той же недели на другом конце необъятной моей родины

произошла трагедия, унёсшая жизнь близких этого оброщего, с первыми видимыми признаками пубертатного периода на лице, мальчишки, чья жизнь оказалась подвешенной в пространстве между казенным домом и домом непонятной родственницы, то есть – меня, которую он никогда и в глаза не видел. Моя личная трагедия казалась аллегорическим одуванчиком. Вдохнув побольше воздуха, я помогла отдалить семенные парашютики на неопределенное время, пока какое-нибудь из семян моей прошлой жизни не проклюнется и не напомнит о себе. Я целиком и полностью погрузилась в Гошу с моей фамилией и семнадцатью годами в паспорте, моего аж троюродного племянника дальних родственников.

Видимо, моя боль нашла выход, трансформировавшись в сочувствие к судьбе юноши.

– Надеюсь, я не пожалею о своем решении!

– Ты что, с ума сошла? – шептала подруга на кухне, – ты совершенно не умеешь общаться с детьми, тем более подростками, тем более таких размеров.

– Ты предлагаешь отправить его в детдом?

– Судя по документам, ему всего десять месяцев жить в детском доме, а это – ерунда, а потом армия и своя жизнь... Зачем тебе проблемы? Ты не знаешь его, не помнишь ваших родственников... Прости, но твой ушедший экземпляр, наверное, и твои мозги забрал неделю назад. О чем ты думаешь?

Я не могла сформулировать адвокатскую речь, но в остат-

ках моей разорванной души не было червячка сомнения.

Да, согласна, что не имею опыта общения с детьми в том размере, чтобы причислить себя к педагогам. Да, я согласна, что можно было и подождать годик этому Гоше в специализированном учреждении для одиноких детей.

Но... что-то неуловимо-трогательное было в его неловкости, неуклюжести, то, что не позволяло мне одним росчерком своей эффектной подписи засунуть мальчишку в незнакомую среду.

Он – домашний, и это чувствовалось во всем, как он переминался с ноги на ногу, как присел на краешек банкетки в прихожей, аккуратно поставив ноги в грязных ботинках на тряпочку, а не на коврик. И пахло от него то ли пирожками, то ли борщом – забытые запахи моего далекого детства.

– Посмотри, какой он огромный, он на дядьку похож, такой прибьет тебя или заставит подписать все документы на твою одинокую жилплощадь, – подруга явно перестаралась.

– Имей совесть, он еще ребенок, пусть что большой... И, в конце концов, ты не забыла, что я юрист, к тому же первокурсный... Так что хватит страстей, его надо покормить, сутки в поезде и час сидения в моем коридоре – это уже перебор.

Подруга, не разделив моего мнения, ушла, правда, не хлопнув дверью.

– Макароны будешь? Прости, я не люблю готовить.

Гоша кивнул, нашел ванную и без напоминания вымыл руки. Потом притащил рюкзак на кухню, и мой небольшой стеклянный столик стал превращаться в скатерть-самобранку. Из бездонной поклажи появились баночки с вареньем, соленые огурцы, разноцветные консервированные салаты, три банки с домашней тушенкой, сало, завернутое в белую, пропитанную чесноком тряпочку, помидоры, резаные кабачки и в промасленной бумаге пара килограммов самодельной колбасы.

– Ого! А кто тебя так подготовил в дорогу? Спасибо...

– Я сам, сколько влезло, столько привез, остальное посылкой через неделю придет, если можно...

Он осторожно присел на мои миниатюрные стулья.

– А давайте, я сам сварю, я умею... Я немного ем, просто в батю пошел размером...

Мне захотелось плакать...

– Ты тут хозяйничай, я сейчас...

Я выскочила из трогательной сцены, пряча влажные глаза, вдруг почувствовав, как он хочет понравиться мне, неизвестной тетке из Москвы.

Мне удалось пристроить Гошу в копировальный цех. Выхлопотать место было совершенно несложно. Да я и не пыталась заставить мальчишку работать, но его непримиримым условием было, что хоть пять тысяч, но он будет вносить в семейный бюджет. Обещали семь тысяч за непыльную работу

с девяти до пятнадцати. Семейный бюджет – он так и сказал, вновь удивив меня основательностью и ранней почтительностью к зарабатываемым деньгам.

Гоша жил в отдельной комнате, которую держал в полном порядке. Это было несказанным счастьем для меня, потому что странным пунктом в моей жизни было почти абсолютное подчинение чистоте. Я не требовала полной стерильности, облучения кварцем, но каждая вещь знала свое место, и полы мы мыли по очереди.

Документы на опекунство подтвердили мое право на вмешательство в его личное пространство, но такового не требовалось. Гоша был молчаливым, тихим, крайне неназойливым, потому я могла, как и прежде, спокойно работать дома и репетировать вслух свои монологи присяжным.

Однажды я так упоительно, с надрывом, читала свой опус, что привлекла Гошино внимание.

– Не пробьет... – тихо вмешался он, остановившись на пороге моей комнаты.

– Что? Не поняла?

– Не пробьет, в смысле, не прошибет... последнюю фразу лучше сказать в начале... это как детектив... подцепить на крючок, потом суть сюжета и вновь повторить ключевую реплику в конце с состраданием... извините, – Гоша приоткрыл дверь.

Нормально! Что это еще за выпад! Первым желанием бы-

ло рвануться, объяснить этому огромному мелкому, кто тут профессионал!

Но... я стараюсь слушать свою интуицию, которая, как легкий электрошокер, на секунду встряхнула меня и остановила несущиеся мысли. Пауза!

Я зашуршала бумажками, вновь пробежала глазами почти выученный текст. Как Пушкин, вскинула руку, откинула голову, призывая музу в соавторы... и отчаянно поняла, что мальчик прав... Как-то театрально. И за душу не берет...

Просидев еще пару часов над смыслом, я была уверена, что переделанный текст зазвучал!

Освободившись пораньше, я заехала за Гошей на его временную работу. Он засмутился своей радостью, но без разговоров сел в машину. Мы подъехали к моему любимому ресторанчику. Вот здесь Гоша проявил чудовищное упрямство.

– Ну не могу же я тебя силой вытащить.

– Не сможете...

– Гош, перестань ломаться. У меня сегодня триумф и, между прочим, не без твоей помощи. Присяжные рыдали в буквальном смысле. Как ты и сказал, немного напустить детектива, и слушатель твой с потрохами. Пойдем, я хочу тебя угостить, пожалуйста.

– Лучше я дома приготовлю рагу с овощами...

И тут шестое чувство подсказало.

– Ты стесняешься меня?

Гоша отрицательно промычал.

– Ты стесняешься себя?

Моя последняя попытка попала в точку. Я, оценивая, посмотрела на Гошу. Синие джинсы, кроссовки, под коричневой ветровкой синяя футболка – все чистенькое, без дырочек.

– Ты одет, как большинство подростков в твоём возрасте. Что не так?

Он долго собирался с высказыванием, я его не торопила, понимая сложность его откровения, которое он собирался мне поведать.

– С вами я не могу в таком виде... Это... как Золушку в бальном платье сопровождает Гаргамель из смурфиков...

Я не знала, кто такой Гаргамель, но по тону поняла, что персонаж похож на Квазимодо. Сравнение с красавицей приятно удивило. Будучи небольшого роста, обычного телосложения, имея стандартную удобную стрижку – сопоставление с любимой героиней привело меня в восторг.

– Твои предложения, если Золушка хочет праздника. Хочу на бал, в конце концов!

Гоша редко улыбался.

Я не теребила рану его потери, ждала момента, когда он сам захочет рассказать. И потому его открытая улыбка непросто покорила меня – очаровала, даже соблазнила. Если бы ему было хотя бы на десять лет больше, я бы влюби-

лась в него. Его лицо будто засветилось. Он по-детски пожал плечами и отвернулся.

– А у меня есть вариант, – обрадованно произнесла я в нашу долгую паузу. – В счет твоей следующей зарплаты мы покупаем тебе костюм, и ты сопровождаешь меня на бал! Попробуй только отказаться!

– Не буду, – пробурчал он, пряча улыбку в боковое стекло автомобиля.

На костюм он не согласился, увидев ценник, но пиджак мы купили. Впрочем, в пиджаке и джинсах он смотрелся более стильно.

Столик ждал нас около окна. В полумраке ресторанчика Гоша смотрелся импозантно, совершенно не старив меня.

Я в подробностях, почти по ролям, рассказывала сегодняшней процесс, описывая лица прокурора, присяжных и всех, кого успевала заметить, читая свой шедевр. Оправдательный приговор, справедливость и законный гонорар.

– Я предлагаю в следующие выходные слетать к морю, туда и обратно... если откажешься, выгоню из дома.

– Мне ты никогда не предлагала на море!

Я, погруженная в детали судебного делопроизводства, видя неподдельный интерес Гоши, не замечала пространства вокруг. Мой трусишный (от слова трус) бывший восстоял (если есть слово «восседал», почему не может быть слова «восстоял») около нашего столика.

– Смотрю, время не теряешь, на молодняк перешла? – ха-

мил бывший.

Гоша медленно, как-то по-мужски серьезно встал из-за стола, возвышаясь над головой моего бывшего, и четко, деля слова на слоги, произнес:

– Стари-чок, форси-руй другие бе-ре-га...

Я неприлично расхохоталась.

Трусишку сдуло попутным ветром.

Через год Гоша поступил на бюджет в юридическую академию. Моя династия продолжалась. И на море мы все-таки слетали тогда!

(2017)

Долгая встреча

...Один миг. Исчезающий трамвай в закатной дымке по бесконечным рельсам вселенной... Пронзительно тихий голос актрисы – как пик, острое больно отозвалось внутри...

«Господа, вы звери?». «Раба любви». Раба поруганного счастья.

Последний кадр щемящего фильма.

– Боже мой, как хочется жить. Все равно жить, только не все равно как. С душою. Чувственно и свободно, пусть мало, но ярко! Хотя мало жить тоже не хочется, хочется побольше да поскладней...

– Телевизор-то выключи. Что бормочешь, медитируешь? – ворвался голос мужа и надломил чуть.

– Хотелось бы научиться, – ответила я. – Что еще остается, коль крылья подрезаны и перебиты...

– Чокнутая, – сказал он без злости.

У него все просто, а эти сентиментальные штучки типичны для представителей чокнутой расы, он всегда так говорит о том, что ему непонятно чувствовать.

– Ну и пусть я чокнутая... хотя бы в мечтах живу так, что умереть не страшно.словно в созвездии парящая звезда.

Но моя подруга всегда категорична в отношении звезд.

– Звезда! Значит, холодная, а фригидностью теперь нико-

го не удивишь.

Да! Она яркая, сочная, аж дух захватывает. Хозяйка, одним словом. Себе, судьбе, целому миру. Даже имя особенное – Нелли. А я?

– Какая ты Галка, – всегда твердит мне Нелли. – Галина! Тебя надо было Мышкой назвать, на худой конец, Чижиком. И то какая из тебя птичка, ковыляешь с вечно подбитой лапкой. Вроде ноги симметричные, а походка, как у утки, – беззлобно пристаёт Нелька.

Мне смешно и гордо. Асимметрия, что тут плохого? Абсолютная симметрия половин бывает у тяжелобольного человека, а я счастливая. У меня есть Машенька и Дашенька. Две девочки мои ненаглядные, лучезарные. Поглажу по головкам, поцелую и счастлива. Большого и не надо.

– Опять у тебя что-то горит?

Голос мужа постоянно возвращает в реальность. Я понимаю, что это за жена, не умеющая за десять минут приготовить завтрак спешащему мужу? А если и сподобится, то чаще всего подгорит.

Я люблю смотреть в окно. На кухне оно большое, зовущее. Увлекаюсь и не слышу, как прожорливое масло въедается в котлеты или яичницу, безвозвратно покрывая все золотистой коррозией.

Николай исчезает за дверью слегка недовольный. Он любит меня, потому терпит, не устраивая семейных скандалов,

чаще молчит.

Девочки в школе. Я осталась одна, забыв о еде, о замоченном белье...

– Инфантильная бабочка! – кричит через дверь Нелька, потому что вламывающегося звонка я тоже не слышу.

– Я достала умопомрачительный материал, ты сошьешь мне платье такое, чтобы... как задохнуться!

– Узкое сейчас не в моде, – подшучиваю я.

– Чего ты дурочкой прикидываешься? – укоряет Нелька. – Вот тебе ткань. Твори.

И я творю. Старенький «Зингер» послушен и добр ко мне. Я шью.

Через неделю Нелли будет щеголять в новом платье, а из остатков я сварганю очередную подушечку. У меня их много, по ним можно проследить всю мою жизнь.

Вот эта – вперемежку с горохом и полосками от летнего сарафана для отбывающей на курорт двадцатилетней Нелечки.

Сейчас этой подушечке весь срок изношенности прошел. Но вещи у меня живут долго, наверное, им нравится.

А вот эта солнечная полянка – кусочки выпускного платья моей старшей Машеньки для детского сада. Теперь она почти взрослая, и ее веселый наряд в пору шагающей кукле.

Но среди разноцветной пестрой пухлости выделяется одна. Темно-серая, строгая, солидная, с одной пуговкой. Это

материал для мужского костюма.

Как давно это было. Я намеренно долго шила, назначая частые примерки. Его звали Александр. Победитель! В нем чувствовалась благородная, великодушная сила. Нелли привела его, заставила обмерить.

– Она сошьет тебе карьеру, будь уверен.

Он улыбнулся и неожиданно, найдя мою руку, поцеловал ее.

Да, в нем чувствовался характерный нрав, не грубая жажда власти, а спокойная, выдержанная серьезность и жизнестойкость.

Шилось легко. Почти ни разу не уколов пальца, я смотрела на него снизу вверх и любовалась. Он чуть смущался, и мне нравилось, что только я могу так смотреть на него, как бы заглядывая внутрь, хотя бы и снизу.

Нелли в часы его примерок кружилась по квартире и говорила не умолкая. Но он не слушал ее, как казалось мне, а внимательно наблюдал за моими движениями. И я, прикасаясь к его телу, к серой ткани костюма, чувствовала что-то тайное и непостижимое.

– Ты, часом, не влюбилась? – мимоходом спросила Нелли. – Что-то долго копаешься, уже месяц как шьешь.

Я молчала, что ей ответить? Что я влюблена? Мне не хотелось доверять это никому.

– Копуша ты моя мечтательная, – обнимая, говорила Нелли. – Люблю тебя, хотя и согласна с твоим мужем, ты чокнутая!

Но завершение неминуемо приблизилось. И как ни старалась я оттянуть собственное упоение к шитью – костюм был готов. Завтра Александр придет в последний раз.

...Но никто не пришел. Его карьера надломилась и потеряла смысл. Потеряла смысл и моя тайна. И Нелька тут ни при чем.

Не она его бросила, а он покинул нас.

Нелепо, ужасно и очень больно. Его машина врезалась в столб, и он умер, не приходя в сознание. Кто бы утешил меня? Но мне приходилось сторожить Нелькины чувства от исчезновения.

Жестокая потеря.

Костюм Нелька забрала через неделю и сдала в комиссионку. Я не протестовала, какое мое право? Он всегда принадлежал только ей, в костюме или без. А я оставалась неторопливой портнихой, которая передвигалась исключительно на корточках, а если и вставала, то не становилась от этого выше.

Прошло много лет. Нелли уже не помнила его имени. Жизнь яркая – всех не сохранишь в памяти. А я как-то осталась в том пространстве, ощущая себя в настоящем недоразумительной попутчицей.

Он продолжал жить во мне, приходя в мои сны в своем новом костюме, не сумевшим помочь его жизни, как я ни старалась шить.

У меня замечательные девочки и Коля, который молча ворчит, но все-таки любит меня, я знаю. Потому и живу.

(1996)

Тамара Андреевна

Набирая код входной двери, пальцы в доли секунды замерзли, впитав холод металлических кнопок, приблизив ужас черного подвала. Темнота подъезда, как пещера ледящего страха, превращала ее тело и застывший разум в тупой столб сталагмита. Каждый вечер после работы она, пробираясь мимо подвала, сжималась в комок. Ей казалось, что дверь резко откинется, и черная дыра засосет ее дрожащее существо. Подвал пробуждал страх.

Ватные, еле ощутимые ноги наливались силой и радостью яркого света, только почувствовав первый подъем ступеньки. Она почти взлетала на третий этаж, стряхивая в стороны звенящую дрожь. Страх позади, она в теплых тапочках родного дома.

Работа кассира в ближайшем сбербанке не отягощала ее, скорее, наоборот, отодвигала бесконечное одиночество. Двенадцать лет каждодневной суеты не отпечатались следами нервозности на добром лице. По-прежнему тихий взгляд и отсутствие планов на будущее ее незамужней бездетной жизни. Но она любила. На туалетном столике одноместной кровати в кружевной бежевой рамке стояла фотография улыбающегося мужчины. Володя Соколов, который с пятого класса унес ее маленькое сердечко в потертом портфеле. Одноклассник – задира и весельчак, неизвестно откуда

появляющийся и исчезающий, и не замечающий страдания робкой девочки Тамары. Получив аттестат зрелости, он растворился в уплывающей группе уже не учеников, не выпустив из школьного детства ее сердце. Встречая его старенькую маму в сберкассе, она преданно впитывала все подробности Володиной жизни.

– Тамара Андреевна, вы опять позже всех! У меня последний рабочий день, нельзя ли побыстрее... на.

Широкоплечий охранник Анатолий, громко вышагивая по коридору, подгонял. Его голова была похожа на овальный жирный кусок сала, где вместо мясных прожилок виднелись три узких продольных среза, напоминающие глаза и рот. Неприятнейшее создание что-то сипло бурчало себе под нос, в конце каждой фразы ссылаясь на какого-то «на».

Неделя за неделей приблизили декабрь. За окном мелкий дождь стучал по асфальтовым и карнизным клавишам, наполняя воздух грустным шансоном. Рабочий день закончился. Становилось неуютно. Сегодня она целый час оттягивала пугающую встречу с мистическим подвальным врагом. Зимний небелоснежный вечер, сгущая темные пятна, окружал двор. У соседнего подъезда Тамара замешкалась в темноте, столкнувшись с потерявшимся прохожим. Она охотно нажала код, а прохожий, невежливо оттолкнув в сторону, скрылся в нужной квартире на первом этаже. Пожав плечами, Тамара тихонечко прикрыла дверь и глубоко вздохнула. Через

несколько шагов пугающий подвал, нужно собраться с силами.

– Черт, ну и холод... скоро она придет-то? А Толян прав – это плевое дело, интересно, где она прячет ключи... в лифчике что ли?

– Откуда у старой девы лифчик, там уж высохло все давно... сморчки...

Громкий смех расплескался по лестнице вниз. Тамара, услышав грубую речь, стояла тихо, не решаясь идти.

– Мы рано пришли, ночью надо было...

– Щас явится... Толян говорил, выпив кефирчику, она сразу плюхается спать и гасит свет. Он под окнами стоял, все отладил... А сколько ей уснуть-то? Через час и войдем... спать-то не с кем, чё ей сказки читать что ли?

Они снова нагло засмеялись.

– Ты в окно-то смотри, проглядим...

– Не-е... ее еще не было... пацан входил, да мужик с бабой, все точно, как в аптеке или сберкассе.

От резкого смеха Тамара вздрогнула. Неприятный холодок пробежал по спине и больно ткнул в затылок страшной догадкой.

– Слушай, а если она утром ключей хватится, не пойдет в милицию?

– Толян говорил, она с крышей сдвинутой, подумает, что потеряла ключи. А хлороформу нанюхается, вообще ничего не вспомнит на утро. И зачем она ключи с собой носит, дура

что ли?

Тамара прижалась к стене, не чувствуя собственного тела. Двое неизвестных говорили о ней. Ключи от кассы должны оставаться в сейфе. Нелепо нарушая инструкцию, она каждый раз уносила связку домой.

«Что же делать? Они дождутся третьего, войдут в квартиру, заберут ключи... ограбят центральный сейф... Хлороформ... Толян?... Анатолий? Существо, охранявшее сбербанк и уволившееся месяц назад...»

– Вон, гляди, Толян...

Воздух сжался в груди, став щемящим комочком.

Что делать? Выхода нет. Сейчас Анатолий войдет, стукнет ее... Закричать... но голос слипся внутри. Ее взгляд, перебегая от стены к стене, искал помощи, поддержки... И вдруг... Подвал. Страшная дверь была чуть приоткрыта, бумажка с печатью белым краешком надежды беззвучно позвала Тамару. Но долгий внутренний страх, впитавшись в мозг, дрожащей зверюшкой забился внутри. Потoki секунд и мыслей снова превращались в соляной столб. Неведомая, почти животная, сила самосохранения толкнула Тамару в черную дыру, в неизвестность.

Входная дверь открылась, Анатолий прошел мимо. Подвальный выдуманнный ужас оказался другом и защитником на целую ночь.

Утром Тамара Андреевна без объяснений написала заявление об увольнении. Появились свободные часы, дни. Под-

рабатывая репетитором, она чувствовала прилив сил. За-
теяла небольшой ремонт. Сделала короткую стрижку, как
в школьные годы. И однажды, проходя мимо подвала уже без
страха, увидела новый замок и табличку «Автошкола». Та-
мара всякий раз мысленно благодарила черную дверь за чу-
десное спасение от унижения, страха, а может быть, и смер-
ти.

Весенним днем, возвращаясь с урока, она, как обычно,
остановилась около подвала и с нежностью погладила сталь-
ную ручку безмолвного друга. Дверь неожиданно распах-
нулась... Их глаза встретились. Он узнал добрый лучик ее
наивного детского взгляда и улыбнулся. Нужно было про-
жить двадцать пять лет после школьной жизни, чтобы вот
так вдруг в обычный рабочий день понять, как дорога бы-
ла для него та робкая девочка, боявшаяся сказать «люблю».
«Володя Соколов!» Отражая его восторженные чувства,
ее глаза засветились. Прошлое превращалось в реальность.

(2000)

Пространство

На стальном треугольнике утюга ножницами она пыталась нацарапать слово «гад». Но буквы не писались, острые линии в нужном месте не заканчивались, появлялся лабиринт углов. Она злилась, что рука в точности воспроизводила ее мироощущение – лабиринт, где каждый поворот – тупик. Темно и страшно. Она собрала его вещи в коробку и заклеила скотчем. Когда стемнеет, она вынесет ее на помойку.

«Помой-ка!» В четвертый раз за один холодный зимний день она принимала душ, пытаясь смыть его последние прикосновения с тела и души. Обжигая грудь мелкими острыми струйками воды, она прокручивала в памяти недавний диалог.

Поверх заклеенной коробки с мужскими вещами она бросила искалеченный утюг, его подарок на Восьмое марта. Вещей больше нет, остатки его следов на ковре съел пылесос. Запах! Запах задержался, но морозный воздух из распахнутого окна уничтожит его за несколько минут. Останутся мысли, воспоминания. С этим она тоже справится.

– Неужели ты не понимала, что последние три года мы жили, как соседи... Доброе утро, спокойной ночи, вот чистая рубашка...

– Соседи рубашек не стирают... – протестовала она.

Он злился, ходил по комнате, размахивая руками.

– Твоя лень и меня поработила... Вспомни, раньше мы все время куда-то ходили, ездили, не стояли на месте... Чтобы я мог целый вечер просидеть перед телевизором?! Ты отбивала всякую охоту от активной жизни. Ты на себя посмотри – в свадебное платье тебя же колотушкой не запихнешь...

Четыре года назад она выпорхнула от врача с чувством любви и восторга к доброму миру. На втором году их совместной жизни она подарит ему ребенка.

– Ты с ума сошла?! На носу гос. экзамены, диплом, сто рублей стипендия, мы живем на обедах твоей мамы... Да ни ты! Ни я не готовы стать родителями!

Он уговаривал, что надо подождать, свою жизнь наладить... говорил, говорил, говорил. Сердце сжималось в крошечный пульсирующий орех. Вдыхаемый воздух превращал легкие в мутный плавающий в слезах пузырь. Слова мужа казались чужими. Голос, всегда ласкавший чувствительный слух, больно резал отточенным металлом. Чудовищные фразы. Ей казалось, что говорит нездоровый человек. Сквозь слипшиеся ресницы она видела его спокойное лицо, открывающийся рот. Она желала очнуться от кошмара, не верить. Она проплакала всю ночь, но твердо решила, ребенок будет жить. Через сутки сильнейшее кровотечение, внезапно начавшееся и закончившееся потерей.

Постепенно жизнь наладилась. Но гормональные таблет-

ки и оставшийся в организме стресс потихоньку делали свое бесхитрое дело, замораживая ее желания и чувства. Ей стало нравиться одиночество, кулинарные излишества и тишина.

«Каждая личность в своем развитии проходит кризисы. Кризис – это поворотный пункт, это переход на более высокую ступень развития. О детских кризисах знают все, но мало кто задумывается, что и взрослый человек проходит кризисную перестройку. Просто взрослые кризисы во временном промежутке индивидуальны. Сейчас ты впала в спячку, но этап кокона пройдет, ты превратишься в капустницу или павлиний глаз, тебе выбирать, и полетишь на волю к новым достижениям. И хорошо, что твой никчемный муж бросил тебя на кризисном этапе, а не позже. Когда выбрасываешь хлам, освобождается пространство», – утешала оптимистичная подруга.

– Может, мне собаку завести?

И через неделю подруга подарила забавного каштанового щенка.

– Куплю ему гюйс, назову «матрос Лабрик» в честь моря Лабрадор, а зимой тельняшку будет носить.

Она никогда не думала, что станет «собачницей». Негласные традиции собачьей площадки, тусовки и бесконечные разговоры о своих питомцах.

– Лабрадор – дорогое удовольствие. Вы хорошо зарабатыва-

ваете? – нетактично интересовалась хозяйка купированного дога.

– Это подарок.

– Хорошо иметь таких щедрых друзей, – прокомментировала «Догиня».

Они с Лабриком перестали ходить на общую площадку, предпочитая прогулки в дубовом лесочке. Это оказалось несравненным удовольствием уединения и объединения. Через год Лабри вытянулся, повзрослел и стал похож на большое шоколадное лакомство с вишневыми глазами. Лучистые струйки незаметно исчезали, обнажая у горизонта солнечный диск, и последние солнечные лучи золотым решетом ложились на верхушки больших дубов, путаясь в их пожелтевшей кроне. Лабри, разбегаясь, врзался в собранные кем-то сухие кучки опавшей листвы, нарушая своими движениями замирающую прохладу, то здесь, то там поднимая еле уловимый пряный аромат поздней осени. В конце аллеи опустевшего парка зависло седеющее воздушное покрывало, пряча ускользающую тропинку.

Подняв морду, пес выбрал направление и бросился в азартную скачку. Но вдруг резко встал и замер. Не слыша привычного шуршания за спиной, она обернулась. Силуэт собаки растворялся на фоне потемневших стволов. Сумерки.

– Лабри, иди сюда, – позвала она.

Кругом было тихо и пусто.

Солнце ушло за горизонт, и чарующий при закате лес превратился в угрожающую воронку, которая начала засасывать неприятным чувством страха. Выпавший из рук поводок шелестяще потонул в ворохе опавших листьев. Она нагнулась, чтобы поднять его, и в это мгновение что-то сильно толкнуло ее в бок. Ноги поскользнулись, она упала, ощутив остывшую влажную листву. Слабый крик отчаяния выплеснулся наружу.

И тут ее руки почувствовали мокрый нос Лабри.

Они выбрались из леса на освещенное шоссе. Ее белая испачканная куртка мелькала в свете проезжающих фар. Лабри шел сзади, виновато повесив морду. В молчании они шли вдоль дороги, пока на обочине не наткнулись на распахнутую машину. Двери, багажник, капот – все было открыто, и машина напоминала толстого жука, который изо всех сил старался взлететь, растопырив в стороны свои блестящие крылышки. Мелькающий в свете проносящихся мимо фар силуэт мужчины склонился над мотором. Проходя мимо, она услышала вслед его мягкий спокойный голос:

– Не поможете...

– Чем? – неожиданно для себя ответила она.

– Сочувствием, – он выпрямился и оглядел ее с ног до очков. – Или вам самим нужна помощь?

– Нет, – независимо отрезала она.

– Перепачканная куртка и волосы, грустная собака.

– Это пес, взрослый и строгий.

В ответ мужчина рассмеялся.

Общими усилиями они устранили неполадку в стальных легких машины. Благодарный прилизанный «жук» довез до подъезда.

Отправив Лабри спать, она на сорок минут утопила свое уставшее тело в пенной воде ванной.

На следующий день, вернувшись с работы, она скинула строгую одежду, запаковала себя в узкие джинсы и вышла на прогулку с Лабри.

– Сегодня звезд ждать не будем, погуляем часик и домой.

И снова листья в лесу поодиночке и стайками слетались к земле, оголяя вершины лысеющих деревьев. И вновь воздух наполнялся пряными нотками увядающей листвы. Она обернулась, не услышав привычного шуршания за спиной. Силуэт собаки растворялся на фоне темных стволов.

– В чем дело? Ты опять будешь в прятки играть?

Вечерняя прохлада легким ветерком дунула в лицо. От непонятого предчувствия стало не по себе.

«Дежавю?»

Долгих полчаса она бегала по лесу в поисках Лабрика. Быстро темнело. Ощущение горя тяжестью скапливалось в груди.

– Что за шутки, Лабри, перестань пугать меня!

Вокруг черные деревья, казалось, стали замыкать круг, сужая кольцо. Ноги сделались ватными, когда шум в голове отгородил пространство. Она почти падала, медленно осе-

дая, когда внезапно почувствовала опору и теплое частое дыхание.

– Лабри, разве так можно? – не открывая глаз, простонала она.

– Не волнуйтесь, мы найдем вашего серьезного пса.

Она встрепенулась, легко оттолкнувшись, отпрянула в сторону.

– Не бойтесь... Моя машина вновь отказалась ехать, как тот осел из фильма, заметив понравившуюся женщину.

– От меня ушел Лабри... – растерянно сказала она, узнав вчерашнего хозяина «жука».

– От вас нельзя уйти, от вас можно только потеряться и то на время.

Еще издали, уловив наступающий шуршащий гул, она обернулась. Лабри летел над желтой опавшей листвой, громким лаем сообщая всем, как он соскучился.

Вечером пили чай у нее дома и познакомились. Лабри уснул, положив морду на тапочку гостя. Около двенадцати ночи неуставшую беседу прервал телефонный звонок бывшего мужа.

– Не спишь, прости, что поздно... Я без прелюдий. Я хочу вернуться...

– Извини, когда выбрасывается хлам, пространство освобождается. Теперь оно занято и, думаю, надолго.

Она повесила трубку и победно улыбнулась приятному го-

стю.

– Я же говорил, от вас нельзя уходить, обязательно захочется вернуться.

(2001)

Магия театра

– Надеюсь, вы не поссоритесь, – сказала посетительница и, положив билет на стол, вышла.

Дородная медсестра и пожилой врач молча смотрели на белеющий соблазн, который обещал красное плюшевое кресло, партер, нашумевшую пьесу и сопричастность к миру искусства.

Билет сиротливо прижимался к крышке стола. Он был один, а желающих как минимум – двое. Он лежал на безжалостном перекрестке стреляющих глаз, не зная своей участи. Незнакомое шестое чувство надеждой пульсировало в крохотном призрачном сердце. В кабинет впорхнула молоденькая медсестричка. И скоро ее коротко остриженные ноготки приятно щекотали изнанку доставшегося билета. Он был доволен.

Попав в ее дом, он с наслаждением наблюдал, как она прихорашивалась у зеркала. Без пятнадцати шесть, положив его в кожаное отделение под молнией, она вышла из дома.

Легкий вечерний ветерок охлаждал ее возбужденное лицо. Билет плавно покачивался в своем черном «лимузине», так же предвкушая чудеса театрального вечера. Подставив свой бок знающей билетерше, он сморщился. Самой неприятной процедурой оказывается та, которую не ожидаешь. Оторвали корешок. Затем он снова оказался в чутких

пальчиках медсестры и приятно расслабился, открыв доступ к назначенному ряду и месту.

Погас свет, открылся занавес. И началось. Рядом в плюшевом кресле ворчливо устроился толстяк и засопел. Но очарованная медсестричка отвлекающих звуков не слышала. Ее взор, дыхание, жизнь были там – на сцене. Высунувшись белым пятнышком из сумки, он нежно поглядывал на нее, затаив дыхание. Ему до боли в оборванном краешке захотелось остаться с ней навсегда. Но он знал, как только вспыхнет свет, и все понесутся наперегонки вниз – его сбросят у выхода, как в могилу.

Она вышла из театра и медленно направилась по аллее к метро. Он сложенным уголком цепко держался за край карманной молнии и в оцепенении ждал. Вот пугающая своей глубиной урна, вот – следующая. «Какую она выберет?»

У входа в метро она достала билет и развернула. Если бы он умел кричать, он бы... Но лишь жалобно прошуршал. И вдруг... Его обожгло дыхание. Она поцеловала его в раскрытое устье листа. И, быстро закрыв, убрала в сумочку.

Он не мог понять, что случилось. Ее аромат, теплота губ опьяняли. Спутанные слова благодарности витали где-то поблизости. Он замер, вновь и вновь прокручивая мгновение счастья. Теперь он точно знал, что будет жить долго в ее доме. Со временем пожелтеют его белые крылышки и посветлеют темные буквы названия. Но иногда, натываясь на него, она будет снова держать его в своих нежных паль-

чихах и вспоминать теплый театральный вечер. Велика сила искусства. Если бы он мог, то захлопал бы в ладоши, преклоняясь перед чарующей магией театра.

(2000)

Зелёные яблоки

Единственное, что могло её остановить – это солнце. Его всепоглощающий свет уничтожал тайну замысла. Но до восхода более пяти часов. И ночное перевоплощение мыслей дарило возможность почувствовать возбуждение.

Застегнув на правом запястье тоненький ремешок скромненьких часиков, она взглянула на циферблат. По очерченному кругу неспешно, чеканя шаг, двигалась единственная стрелка. Как оловянный солдатик, стойко и неукоснительно она вела счёт минутам. Не подозревая об отсутствии маленькой подружки, длинная стрелка ответственно шла вперед. Шесть минут. Надя ждала, примостившись на плюшевом пузике ушастого мишки. Она дремала, терпеливо ожидая, когда коммунальные соседи закончат свои хождения по коридору и спрячутся в свои «комнатя», уступая место и время Надиным планам.

Пожилая Флора Георгиевна проверяла работоспособность механизма дверного замка. Процедуру она проделывала каждый вечер в течение пяти минут, щелкая замком, как затвором боевого оружия. Прищемив, наконец, «язычок» замка, она заблокировала работу ключа снаружи. Все проживающие были на месте. Предохранив общую квартиру от взлома, Флора Георгиевна пошаркала стёртыми тапочками вдоль коридора в темноте, ибо экономия электричества –

главная забота ответственного квартиросъемщика.

Надя, приложив ухо к замочной скважине, прислушалась. Кроме стрекотания счетчиков – ничего. Теперь можно. Надя не боялась соседей, просто, сталкиваясь с ними, не испытывала повода для радости.

Всегда уставшая соседка при встрече буравила маленькими глазками, пытаясь проникнуть сквозь Надины очки. Муж «Буравки», мужчина непонятного возраста и бессмысленного существования, обычно плыл по коридору, не замечая узости пространства и жителей этого общего пространства. «Киселеобразная медуза» – таким эпитетом определяла Надя образ соседа. Медуза в майке никого не жалила, атрофированные щупальца безвольно свисали вдоль железного тела.

Звуки коммуналки улеглись по углам. Надя, накинув на плечи большую, не по размеру связанную кофту, открыла дверь комнаты. В пустующей ванной что-то загадочно звякнуло.

– Это сигнал. Пора!

Прикрыв дверь спящей «неиндивидуалки», Надя, осторожно перешагивая ступени, шла наверх. Воздух становился прозрачнее и легче. Смазанные петли чердачного окна не посвящали окружающих в её тайну. Пьянящее дыхание апрельской ночи наполняло легкие, истинное назначение которых трудновыполнимо днём в духоте и сутолочной пыли. Сейчас шёлковый воздух наполнял уставшие клеточки, возрождая

тело и воскрешая душу.

Недалеко от края защищенной заборчиком крыши её ждал знакомый деревянный стул, бывшая принадлежность начальных классов. Продрогшая жёлтая поверхность породственному приняла Надю, подставив свою вогнутую спинку с размытой надписью – шк. №...

Впервые, около года назад, увидев на крыше стул, Надя с грустью подумала: «Мы с тобой будто одноклассники, закончили одну школу и встретились спустя много лет».

Достав из кармана продолговатую коробочку, Надя вздохнула.

– Если бы не это, то звезды были бы безграничны! И в то же время, если бы не это – звезд не было бы вообще для меня.

Очки. Прозрачная преграда в чёрной оправе, препятствующая и одновременно поддерживающая иллюзию астрального контакта. Казалось, снимешь очки, и ласковый ветерок прикоснётся к лицу, дополняя ощущения нежностью, будто открываешь окно навстречу весеннему утру. Через стекло тоже чувствуется приветливость природы, но её дыхание остаётся за пределами очков, и ресницы в полном равнодушии остаются неподвижными.

Несколько лет назад мама предлагала денег на операцию, и Надя почти согласилась подставить глаза «под нож».

Но в клинике глаза заслезились обильным потоком. Надя расценила подобное поведение своего организма как некий

знак.

«Буду ждать», – решила она и отказалась от глазной хирургии.

– Чего ты собираешься ждать? Этот светила только на несколько дней прилетел из туманного Альбиона, а ты, как дуручка, – не сдержалась мама.

– Вдруг я сама справлюсь... Говорят, взаимная любовь возвращает зрение, – осторожно протестовала Надя.

– Какая любовь?! С каждым годом твоё зрение только ухудшается. Скоро за линзами не будет видно твоих глаз. Не понимаю, чего можно ждать?

Звёздное небо распахнуло свои просторы, предлагая мечтам плыть в высоком направлении. Если бы нечастые весенние дожди, Надя приходила бы сюда каждую ночь. После долгой пасмурной зимы обнажённое, без туч, небо казалось особенным – юным, лучезарным, несмотря на отсутствие солнца, бездонным и бесконечным.

Сегодня полнолуние. И мощный телескоп был бы кстати. Мерцающий блинчик висел как раз над головой. Серьезная оптика позволила бы рассмотреть и кратеры, и горки. Звёзды при рассматривании в телескоп ближе и крупнее не становились. Возрастало их количество, а величина не изменялась. Это открытие было для Нади грустным и неожиданным. Однажды на даче у знакомых кто-то из гостей установил большой телескоп на деревянном балконе. Заглянув

в жерло увеличительного стекла, Надя была досадно удивлена. Звезды остались прежними по размеру и далекими, как раньше. Единственное, что потрясает – заполненность неба! Будто разбилась большая елочная игрушка на песчинки и крошечки.

Стрелка часиков, округляя пространство, пошла на второй круг.

Каждый раз, забираясь на крышу, Надя брала эти странные часы с собой. Возраст механического недоразумения перевалил за шесть десятков, как сказал часовщик, восстанавливая пружинку. Отсутствие часовой стрелки удивило его, как и поразило желание молодой хозяйки починить «это старье».

Исторической и коллекционной ценности часы не имели, но оплаченная клиентом квитанция подарила вторую жизнь минутной стрелке.

Надя нашла часы на своем рабочем месте в библиотеке. Проходя мимо полка с архивными книгами, она заметила выступающий корешок из общей стройности книжной колонны. Она достала книгу, где вместо закладки лежали маленькие часики. Хозяина не нашли. Надя оставила находку себе, посчитав, что наличие только минутной стрелки говорило о том, что пора действовать сейчас, а не ждать своего часа.

В какой-то день после нахождения часов она возвращалась домой и, задумавшись, поднялась на пятый этаж, где от-

существование замка на дверце чердака подсказало, что пора осуществить давнюю мечту – побывать на крыше своего дома, как в детстве.

Её первое свидание и первый поцелуй случились на крыше двенадцатиэтажного дома. Влюблённая восьмиклассница Наденька и мальчик из параллельного класса.

Сегодня это была крыша не высотного дома, а простенькой пятиэтажки, в которой жила Надя после института.

Крыша и необъятное пространство вокруг.

Первые мгновения она не могла отделаться от мысли, что сейчас появится Димка, что мир вновь окрасится в разноцветное сияние, что она зажмурит свободные от очков глаза, прячась от яркого солнца, и в этот миг он поцелует её губы.

Понимая нелепость и несбыточность своего желания, она тем не менее стала приходить на крышу, но только ночью, когда краски дня тают и не мешают растворяться в мечте.

Разглядывая звезды, она вела неторопливый монолог, рассказывая крошечным с земли друзьям о своём прошедшем дне, о таинственных знаках, случающихся с ней постоянно.

Знаки или подсказки судьбы. Считывая окружающее пространство, Надя трактовала виденное по-своему. Черная кошка не предвещала неприятностей, а лишь сигнализировала «будь внимательной на дороге, не зевай!». Рекламные щиты с надписями «Счастливого пути» или «Всё будет хорошо!» – она непременно адресовала себе, считая их деви-

зом сегодняшнего дня. Убежавшее молоко соседей на общей кухне ни разу не подвело, сообщая о дожде или снегопаде. Если утром автобус отставал от графика, и Надя приезжала на работу с опозданием, значит, в этот день кто-нибудь в срок не вернёт книгу или будет мало читателей, хотя библиотека по книгосодержанию была значительной и посещаемой. Считая подобные расшифровки событий правильными, Надя верила, что и часы с минутной стрелкой, и случайное прохождение мимо своего этажа, когда она впервые попала на крышу – два связующих события в её жизни.

Сегодня понедельник. Наденька, выскочив из ванной, прошмыгнула в свою комнату, игнорируя завтрак. На кухне в течение часа воцарялась атмосфера нервозности с запахом подгоревшего сала или яичной, наспех приготовленной, суматохи.

До первого посетителя библиотеки Надя успеет заварить ароматный зелёный чай, а овсяное печенье, любимое с детства, ждёт её пальчиков в уголке выдвижного ящика.

Пробегая мимо вахтера, Надежда заметила элегантного мужчину в чёрном пальто. Шляпа в тон верхней одежды закрывала его лицо от внимания посторонних. Красивая гордая посадка головы и идеально прямая спина рассказывали о его принадлежности к танцевальному искусству. Легким полушагом он отвернулся, показав милый хвостик из-под края шляпы.

– Так вот она, – с опозданием проскрипел пожилой охранник. – Она вам и нужна, – обращался он к первому посетителю библиотеки.

Мужчина быстрым шагом дошёл до центральной лестницы вестибюля, на которую только что вспорхнула Надя, но кроме лёгкого аромата парфюмерной свежести никого не нашёл. И вместо того, чтобы подняться вслед за девушкой, безызвестный, сделав круг приставным шагом балетмейстера, вышел из здания библиотеки.

– Непонятный и подозрительный, – повторял вахтер, пересказывая утреннюю историю по пятому разу.

Обычный рабочий день закончился. Надя вышла из здания библиотеки, и её взгляд поймал рекламное воззвание: «Скоро весна! Переобуйся!». Она не заметила шипованных шин на глянце, призывающих водителей обратиться за услугами в автосервис, когда её буквально понесло попутным ветром. Не отдавая отчёта в своём порыве, она уже сидела на банкетке в отделе обуви.

– Примерьте эти туфельки, – консультант очередной раз опускался перед Надей на одно колено и осторожно обувал её ножку. Надя краснела от подобной услуги, неловко пытаясь проявить самостоятельность, но продавец, отстраняя её руки, успевал надеть очередную модель обувного изыска.

– Куда я пойду в такой обуви? – бормотала она.

– Неужели вам ничего не понравилось? – консультант выпрямился в полный рост и немного угрожающе, как показа-

лось Наде, стал постукивать подошвой стильной туфельки по своей ладони.

В итоге она купила красные лаковые на тонкой шпильке.
– С такой обувью вас точно найдёт счастье!

Прохладный апрельский ветерок остужал накалённые щёки.

– Поставлю одну туфельку на трюмо и буду складывать в неё резиночки и заколочки. Удобное местечко, вместо шка-тулки.

Особой причёски Надя не придумывала своим вьющимся волосам, но любила радовать их весёленькими безделушками в виде зажимчиков, меховых бантиков и «крабиков».

Сегодня за окном лил противный нудный дождь. Надя сидела на подоконнике и смотрела, как быстрые капли, ударяясь о металлический карниз, отпрыгивали в сторону. Она решила пробраться на кухню и добыть кипяток, чтобы согреть озябшие пальцы и унять дрожь.

Квартира, тихо посапывая, видела свои причудливые коммунальные сны.

Она помнила 40-е годы застройки, молодых, охотливых до девушек, строителей. В своих памятных снах квартира перебирала образы всех ранее живущих, всех покинувших и ныне здравствующих, даже забавного кота Герасима, проведшего здесь без малого двадцать лет – долгожителя и хитреца, прятавшего по углам украденную у соседей еду.

Гер, как почтительно называли его домочадцы, пережил своего старика, композитора-пианиста, который давал уроки музыки всем желающим вне зависимости от возраста, который в последний год своей жизни делал из прозрачного шнура капельниц виртуозных чёртиков, держащих в лапках различные музыкальные инструменты.

После смерти одинокого старика кот Гер продолжал жить в коридоре и таскать не убранную вовремя еду. Потом кот так же незаметно растворился в пространстве, как пианист. Из большого холла прихожей пропал облупленный рояль, его место захламилось сломанными велосипедами, швейной машинкой, пустыми ведрами.

Но квартира помнила обитателей своих стен. Пространство меняется, дух остаётся, оберегая прошлое.

Надя продолжала смотреть на дождь и печально вздыхать, понимая, что природа расстроена по её вине.

На работе, впервые за пять лет, Надежда потеряла архивную книгу, точнее, книга потерялась, фактически исчезла. Надя одна находилась в читальном зале и дверь по инструкции должна была закрыть на ключ, когда работала с рукописными изданиями. И она была уверена, что запирала массивные ворота хранилища, уходя на десять минут, но библиотечная ценность словно растворилась. Не понимая случившегося, Надя пугалась вмешательству потусторонних магических сил и начинала сомневаться в своей здравой компе-

тентности.

Никому не сказав об исчезновении, она испуганно наполнилась слезами, и природа в точности воспроизводила её состояние.

Дождь внезапно прекратился, Надя открыла окно, желая проверить законченность природной мокрости. Убедившись, что капли больше не появляются, она вспорхнула с подоконника. Скоро полночь. При влажности воздуха звёзды мерцают, подмигивая. Она торопилась на крышу.

На площадке этажом выше осуществляли доставку стиральной машины. Два коренастых грузчика в блёклых, оранжевого цвета комбинезонах трудились, пыхтели и пытались развернуть крупногабаритный груз поперек, чтобы внести в открытую дверь.

Надя остановилась, поражаясь неумению, суетливости и времени доставки. Судя по хаотичным несговорчивым действиям, рабочие закончат занос объекта не ранее утра.

Протиснуться между ними не получалось. Игнорируя её просьбу, они заняли всё пространство, перекрыв доступ к ночному, освобождённому от туч небу. Наде ничего не оставалось, как вернуться домой.

Очередное десятиминутное отсутствие внесло в её жизнь состояние шаткой колыхающейся почвы.

Луна укоризненно освещала стол её комнаты, на котором в распаханном виде лежала исчезнувшая рукопись. Надя

прижалась к стене, выхватывая взглядом отдельно стоящие предметы мебели. Никого. Занавеска прозрачным крылом взмахивала над близко стоящим столом, как фокусник, то пряча, то демонстрируя бесценное издание из государственной библиотеки.

Однажды Надя даже подумала, что может принести шедевр домой, чтобы за пару дней без спешки изучить интересные места, но, устыдившись собственной вольности, заштриховала мысли красным карандашом, как непозволительные. А вдруг у неё раздваивается сознание? Не ведаю, что творю?

Заперев дверь на ключ изнутри, Надя несколько раз, как Флора Георгиевна, проверила защищенность жилища и подошла к столу, не веря глазам. Конечно, утром она незаметно вернёт её на место. Но как реагировать на необъяснимое происшествие? Если «уехала крыша», значит, надо на крышу для равновесия. На воздух!

Восхождение на этаж выше Надя начала с приготовленной грузчикам фразы, ещё не видя их: – Если вы не пропустите меня наверх, я подниму такой шум, что вам не поздоровиться, потому что...

Её «потому что» застряло в горле. На площадке никого не было. Неужели неповоротливые грузчики за десять минут смогли втащить пластикового монстра в квартиру? – Опять десять минут. Десять минут?

«Всего на десять минут» – неожиданно из памяти возникли слова и далекое чарующее свидание. «Всего на десять

минут» – шептал Димка, втаскивая её на крышу. И первый Димкин поцелуй с запахом зелёного яблока. А потом противный окрик курящей тётки. – Десять минут меня не было! Кыш отсудова, сопляки... Любви им захотелось!

Надя сидела на мокром стуле, не чувствуя проникающей сырости. Не было сил поднять голову и погрузиться мыслями в небесную бездну. Она сидела и блуждающим взглядом по прямой рисовала путь от края крыши до своих замёрзших ног, туда – обратно, туда – обратно... Отсутствие шерстяной кофты сокращало время пребывания. Ей хотелось домой, но она продолжала сидеть, то и дело тихо повторяя его давний шепот: «Всего на десять минут». И внезапно откуда-то из глубины сознания мозг просигнализировал... запах!

Он плыл ароматом, проникая в каждую клеточку... Яблоки, зелёные яблоки.

В особенно грустные моменты жизни Надя открывала флакон старых маминых духов. Пряча от солнечного света, Надя хранила испаряющееся сокровище в шкафу.

На том первом свидании она брызнула на волосы содержимое фарфоровой колбочки, стоявшей на мамином трюмо. Димка прикасался губами к её волосам, ловил ртом непослушные кудряшки, и нежный аромат сочных яблок невидимкой остался на его губах, которые ласково пригубили поцелуем её трепетное удивление.

Надя обернулась в поиске источника знакомого благоухания. Она точно знала, что вспомнить запах и почувствовать всю его глубину невозможно. Человеческая память отзывается на аромат, только реально ощутив его обонянием.

Она испугалась, что обречённо сходит с ума от одиночества и необъяснимых происшествий за последний день её жизни.

Надя сняла заплаканные очки, отчего картина реальности превратилась в плавающую массу, где отчетливо фиксировались запах и звук. Она уловила в мерцающем колыхании ночи тонкое звучание. Шаги.

– Не пугайте меня! Мне очень страшно! – как можно громче попросила Надя, обращаясь к непонятному звуковому сигналу в пространстве.

– Я не хотел тебя напугать, прости...

Надя встрепенулась, но, побоявшись упасть, не встала с промокшего стула.

– Кто здесь?!

Она попыталась надеть очки, но стёкла оставались влажными. Она пробовала вновь и вновь просушить стеклянную поверхность мокрыми пальцами, чувствуя солёный поток, попадающий на искусанные губы.

– Успокойся, пожалуйста, Наденька, – мужской голос ласково произнес её имя.

Она закрыла лицо руками и, согнувшись, вжалась в колени.

– Не подходи... не подходи...

Шаги замерли. Но она, будто укушенная змеёй, вскочила со стула, который от внезапности закачался и завалился на бок.

– Только не уходи... не уходи... – прошептала она, опускаясь на колени, не чувствуя стального холода крыши. – Я каждый вечер прихожу сюда... говорю с тобой, зная, что тебя нет... сегодня что-то случилось... я слышу тебя, мне страшно... несбыточность превратилась в реальность, и сумасшедшие всегда считают себя нормальными...

– Ты не сумасшедшая... Можно я подойду?

– Я ничего не вижу... зрение... а очки мокрые...

– Можно я подойду?

Она кивнула.

И вмиг его дыхание теплом обожгло лицо. Он дышал на её пальцы, озябшие, как веточки багульника, прикасался колючей щекой к виску и повторял:

– Наденька, прости, что напугал... Хотел подарить тебе свидание, а сам... Это я сумасшедший, что довел тебя до такого состояния... прости....

Сняв пальто, он укутал её дрожащее тело, не переставая что-то шептать в её влажные кудряшки.

Позже он объяснил происхождение запаха и рукописи.

Экземпляр мужской линии парфюма из Лондона, где он

жил и работал последние годы. И незнакомец в библиотеке – тоже он, когда ждал её утром, но не смог заговорить, усомнившись в себе. А исчезновение рукописи из архива? Это тоже его проделка. Он всего лишь хотел удивить, заинтриговать внезапным появлением библиотечной книги в ее доме. В отсутствии хозяйки он проник в незапертую дверь квартиры и вновь позорно бежал, услышав разговор с грузчиками. А потом крыша... и ветер, который разнёс аромат их юной любви. Зелёные яблоки.

(2010)

Служебный роман

Чувства настолько бывают необъяснимо странными...

Волей-неволей я анализирую прошедшие события, анализирую себя: что говорила, как говорила, где были заметны мои чувства, а где были спрятаны.

...Когда мной движут эмоции, когда они впереди всего – то, как в классической психологии, мой контроль пропускает вне очереди глупость, которую я с лёгкостью совершаю, а мозги включаются только на этапе принятия решения. В общем, анализ в моём случае – незаменимая палочка-выручалочка.

События прошлого необычайно легко входят в мою память, будто сами собой фиксируются, раскладываются по полочкам для дальнейшего самоанализа. Конкретных людей анализирую буквально бесконечно в своих мыслях... Анализ – полезная штука.

День выдался на редкость пасмурным, но душа у всех присутствующих просила праздника, потому плаксивость природы нам не испортила повода увидеться.

Громкая музыка, пляски, вкусная еда и ночной клуб – коктейль получился насыщенным, хотя, честно признаться, его насыщенность и вкусность зависели совсем не от всего вышеперечисленного...

ТЫ – вот истинная начинка, которая интересовала меня. Более шести часов в присутствии друг друга среди многочисленных коллег.

Как я ловила твои взгляды... И ты, конечно, смотрел, конечно, разглядывал. Чего таить – я была не просто хороша, а в ударе – задор в глазах, караоке в устах, танцпол колыханиями...

В течение нескольких часов ты держался... «Контроль – великая вещь» – когда-то ты сказал мне. Но контроль и опасная вещь – под его гнётом тебе стало тяжело, и ты стал напиваться, не быстро, но основательно. Но я никогда не видела у тебя стеклянного взгляда и не слышала пошлых глупостей... Твой контроль – сильная вещь! ТЫ не просто держишься на ногах, ТЫ шутишь... Не перестаю удивляться силе твоего организма! Даже в таком, почти обморочном, состоянии твой самоконтроль практически трезв!

Только крайне редко тяжёлый вздох при долгом пристальном взгляде на меня выдаёт твоё непростое ко мне отношение...

Уверена, твои паузы понятны только тебе и мне. Понятны, но не объяснимы для меня, ведь, в буквальном смысле, протяни руку, прикоснись... Я же вижу, как тебе хочется прижать меня к себе... НЕТ... «Контроль – великая вещь!», особенно в нашем сюжете...

Танцуя толпой, братаясь со всеми, твоя рука тянется ко мне, хватает на ходу, прижмёт на секунду, потому что исся-

кают силы просто смотреть. Прижмёт и отпустит из страха, что контроль ослаб. Но прикосновения – основная и главная часть всех человеческих отношений.

Моя нежность к тебе тоже сжимается внутри, душит, ищет выхода. Кусая губы, я уйду прочь, чтобы не расплакаться...

Ты стал напиваться, чтобы чуть заглушить мысли, контролирующие твой мозг. Но, как мне показалось, только усугубил. Градусы, понижая самоконтроль, сделали острее восприятие момента. Корпоратив закончился, но ты не шёл домой, уставший от торможения эмоций, бродил неподалёку... Тебя звали к столику, где в окружении оставшихся друзей я допивала коктейль. Но ты сопротивлялся – не подходил и не уходил, мечтая охладить измученный мозг ночной морозящей прохладой.

Как мне хотелось вскочить из-за столика к тебе навстречу и минуту постоять обнявшись, просто зарывшись лицом в тебя, и слушать удары твоего сердца...

Я раз сто прощалась с коллегами и с тобой. Ты по-настоящему обнимал меня – на мгновения, но крепко... Но чтоб только всё в рамках приличия... Твой долбаный контроль! Он губит и спасает тебя и нас одновременно! Хотя нас, как бы мне ни мечталось, не существует...

Я, вычерпанная почти до дна, села в такси. Дворники стирали быстрый ночной дождь со стекла. Анализ! Мой сумасшедший приятель «анализ» вылез из недр сознания и начал работу над незаконченным мартовским днём.

И я вдруг поняла, что среди ушедшего нашего года я чаще думала о своих чувствах... о всплывающей обиде... Ну как же так – вот Я практически на блюдечке, всегда всё понимающая, манящая, родная, искренняя в своих помыслах и ощущениях. Протяни руку, ты же сам просил, ты сам хочешь. А в ответ тишина и неприличная пауза...

Потом снова мои ожидания, надежды, сумбурности, обиды и оправдания отсутствия твоих действий. А сейчас я буквально кожей прикоснулась к оголённому проводу!

Как ТЕБЕ нелегко, как ТЕБЕ непросто – ты уже не можешь без оглядки просто всласть окунуться туда, куда я тебя зову... ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – она похуже неволи.

«Идти-то» можешь, но тебе кажется, что как только ты вступишь в эту реку чувств и ощущений, возникнет сильнейшая боль, которая разрушит наше наслаждение. Боль ответственности за всех, кто рядом... Чувства бывают настолько необъяснимо странными, будто выплывающими ниоткуда...

Вот так внезапно я поняла всю безбудущность наших почти не начавшихся отношений... И от этого понимания мне стало безнадежно горько внутри...

(2016)

Ля Николая

Она знала пять строгих правил, исполнять которые требовалось неукоснительно. Во-первых, никогда не спорить! Выпрашивать, подлизываться, лебезить – да! Но спорить – запрещено! Второе табу заключалось в том, чтобы при отсутствии разрешения не трогать хрупкие дорогие вещи. Третье и четвертое правила тоже касались порядка. И последнее – никогда, ни при каких обстоятельствах не выходить на балкон.

Зато планирование распорядка дня полностью зависело от нее самой. На ее усмотрение и желание были отпущены суточные деликатесы, которые она могла съесть все сразу или оставить на ночной десерт. Ее звали Николая. Она была средне-упитанна, грациозна, мила, совершенно неспесива, жеманна, кокетлива, непридирчива, умна и в меру послушна.

Имя, полученное при рождении, имело свою трогательную историю. Принимавшие роды предполагали мужскую особь и, завидя сморщенные припухлые глазки, сразу воскликнули – «Николя»! Истинное происхождение пола было установлено несколько позже. Но имя дано! А французы – народ постоянный в своих прихотях – и потому Она стала называться именно Николая, с маленькой приставкой «ля», «ля Николая»!

Ее детство красочными фотокартинками запечатлено в семейном альбоме. Мама, судя по снимкам, была красавица, родом из России. При виде Николая все расплывались в улыбке, настойчиво сюсюкались и пытались потискать. Но шоколадно-молочное детство закончилось. Сладкие карамельки, ириски больше не давали, началась борьба за хорошее здоровье. По пять раз на дню ее взвешивали. Завязывали розовые бантики и рюшечки, кормили с золотой ложечки противными кашками и ругали за описанный не со зла пол.

Постепенно в ее жизнь стали металлическим маршем входить железные правила поведения. Она сопротивлялась и становилась наказанной. Теперь фальшивые улыбки проходящих она видела реже. Она чувствовала некоторую холодность, но не обижалась. У нее был свой независимый сказочный мир, и скоро эти чопорные люди перестали ее интересовать.

Она по-прежнему была прелестна, восторженна, недостижима и мягка, как любая взрослая..... кошка.

А на балкон к соседскому Пьеру она тайком все-таки ходит, и скоро об этом они узнают, но будет поздно. И своего первенца, согласно традиции рода, она назовет правильно – Барсик!

(1998)

Карп

Часы показывали далеко за полночь. Золотистое масло на сковородке вдруг запрыгало и, отскочив, больно укусило за руку. – Этого еще не хватало, – сказала я и убавила огонь.

В приоткрытое окно влетел теплый ветерок, подхватил на полу валявшуюся от конфеты бумажку, чем очень порадовал кошку, и незаметно исчез, как появился. Через минуту на улице под самым окном призывно затянул песню Барон.

– За тобой пришли, – сказала я кошке, важно сидевшей около ножки стула. – Иди, поприветствуй друга.

Раиса округлила зеленые глаза и тупо на меня уставилась. Я махнула рукой и включила горячую воду. Тоненькая струйка мягко ударилась о нержавейку. Кот за окном вдохновенно мяукал, требуя свидания. Пришлось выглянуть.

– Ты хоть и не меня ждешь, извини, старик, Раиска спать ушла.

Барон потоптался и, подняв хвост, с достоинством удалился. Достав из холодильника огромного карпа, я плюхнула его в раковину.

– Жила-была курочка Ряба и снесла она золотое яичко... Сейчас бы мне то яйцо. Жаль курицы нет, попросила бы одно единственное желание... Но курицы нет, а есть рыба – карп, – сказала я и достала рыбный нож для чешуи. – А почему собственно жалко? У меня есть рыба, почти рыбка, по-

что золотая. Во, как блестит! Сейчас откроет рот и спросит, чего тебе надобно, дура? А что, именно так и спросит...

Карп в моих руках вдруг неожиданно стал сотрясаться, открывая и закрывая рот. В испуге я бросила нож и рыбу. Она, тяжело ударившись хвостом о край мойки, плюхнулась под воду.

– Больно же... – сказал кто-то.

Я попятилась, потрясла головой и несколько раз глубоко подышала.. Когда остановилась, прислушалась. Подошла к радио, на всякий случай пощелкала кнопками.

– Оно и не может работать, какой месяц прошу мужа починить – бесполезно. Пора спать, не к добру мерещится...

Я подошла к раковине и снова, взяв нож, сказала:

– Есть рыбу я люблю, но терпеть не могу ее чистить. Да и запах, пока она готовится. Фу...

– Я тоже, – услышала я в ответ. Карп лежал на боку, тяжело дыша.

– Я с ума начинаю сходить? – тихо спросила я, глядя на карпа.

– В жизни может быть все, что угодно, – ответил он. У тебя не найдется водички похолоднее?

– М-мм, – промычала я и неуверенно протянула руку к крану.

– Да не бойся, я не кусаюсь, – сказал огромный карп и сглотнул.

– В этой жизни может быть все, что угодно – его слова

сорвались у меня с языка.

Закрыв кран с горячей водой, я робко предложила:

– Может тебе поплавать?

– Хорошо бы, а можно?

Я помчалась в ванную. До упора открутила холодный кран и заткнула дырку. Во мне начинало просыпаться что-то Греческое, я вернулась на кухню и подошла к карпу.

– Может, ты выключишь сковородку, неприятное, знаешь, зрелище. Ведь это для меня приготовлено?

Я смущенно улыбнулась, не решаясь кивать или сочувствовать. Он понимающе покачал головой и чуть прикрыл свои огромные глаза.

– Извини, – пролепетала я.

– Да ладно, понимаю. Что делать? Жизнь такая.

Я бережно отнесла его в ванную. Присев на табурет, я с удовольствием и удивлением смотрела на плескающийся несостоявшийся обед. Карп весело играл хвостом, кувыркался. Поливал меня водой, зачерпывая ее большим розовым ртом. Изображая дельфина, он забавно попискивал. А потом начал рассказывать анекдоты из собственной жизни. Как же я хохотала, не задумываясь о нелепости ситуации. Он резвился, что-то напевал. Я, не зная мотива, на ходу придумывая слова, подпевала ему. Вдруг во время очередного всплеска хохота дверь в ванную приоткрылась, и просунулась сонно-тревожная голова мужа:

– Ты чего тут? – пробасил он.

Я поперхнулась и застыла. Несколько долгих секунд мы смотрели друг на друга. Муж развернулся, непонимающе пожал плечами, и пошел в комнату. Я широко открытыми глазами продолжала смотреть на распахнутую дверь. Шлепанцы мужа мирно зашаркали по коридору удаляясь. Затихли. Я облегченно вздохнула и прикрыла дверь. Яркие зайчики весело бегали по воде, которая круговоротом убегала в темное отверстие. Я смотрела в ванну, и до сознания начинало доходить, что-то не хватает в этой картинке, чего-то явно не доставало. Сбив себя с возникшей мысли, спросила вслух:

– Почему я тут сижу? Мне ж еще на завтра обед готовить...

Я встала, вытерла о фартук мокрые руки и, выключив свет, пошла на кухню. Дым от пережаренного масла не давал вздохнуть, попадал в глаза. Защищало, запершило горло. Слезы незамедлительно затуманили видимость. Выключив почти черную сковородку, я села на стул. На часах было половина второго ночи.

– Что-то я припозднилась. Пойду-ка лучше спать. Завтра встану пораньше и все приготовлю.

Я повесила фартук на крючок и пошла в комнату. Муж крепко спал, закатавшись в общее одеяло. Со второй попытки мне удалось натянуть край пододеяльника на себя. Я закрыла глаза и, вожаделенно вытянув ноги, задремала. «А может, он просто уплыл... к соседке... там тоже не хватает сказок...» – философски подумала я засыпая.

(1995)

Летняя ночь

...Она открыла глаза, что-то непонятное медленно скользило по незнакомому кафелю приятного цвета. Фокус взгляда настраивался столь же неторопливо. Сквозь нерезкую, будто целлофановую, преграду стала вырисовываться картинка.

Большая капля сползала по стене. Ванная комната персикового оттенка. Улыбаясь, она слизнула прозрачную каплю.

Её умытое душем тело ощущало космическую бесконечность, будто миллиарды сверкающих звёзд летели навстречу, и чувство невесомости превращало собственное «я» в парящую частичку Вселенной... Она вновь закрыла глаза, уткнувшись лбом в персиковую стену.

Счастье.

В памяти неяркими вспышками, как в калейдоскопе, возникли снимки предшествующих часов... Сладкий дурмящий аромат ночного лета навязчиво проникал в окно. Посмотрев на часы, она слегка заколебалась, но душа рвалась прочь от душных стен одинокой квартиры. Захлопнув дверь, она буквально летела по ступенькам. Два пролёта лестницы, и она на свободе.

Свободой опьяняло всё: и липа, благоухающая около подъезда, и палисадник соседки с первого этажа, и даже освободившееся такси, неожиданно остановившееся пе-

ред ней.

Она игриво поманила водителя пальцем, даря надежду стать клиентом. Торопливо прошла два подъезда, чтобы скрыться от любопытствующих, еще не спящих соседских глаз и запрыгнула на заднее сидение. В голове адресным списком промелькнули подруги, которые поймут её ночной визит. Но, неожиданно для себя, она назвала совершенно другое место.

В бесподобный вечер оставаться дома и просто умирать от эфирного наслаждения ночи она не желала. Зная, что увидит только тёмные окна его квартиры, там её точно не ждут, она всё-таки мчалась к нему.

Она просто постоит в звенящей тишине, потом мысленно побродит по комнатам, присядет на краешек большого дивана и тихо посмотрит, как он спит.

Такси ускользнуло в темноту, оставив её на освещённом островке надежды. Отсчитав пять этажей, она замерла. В дальней комнате горел приглушенный свет. Ей тут же представился длинноногий торшер с мягким таинственным светом. Быть может, хозяин не спал... или уснул внезапно, оставив бледное пятно.

Пятачок надежды, в круговом освещении которого она стояла, будто перекликался с тем торшерным собратом.

Два круга света. Она ходила по кругу в своих сомнениях и чувствах, не решаясь прервать головокружительное движение. Любить его было болезненно для самолюбия, кото-

рое она обычно поджимала, как нижнюю губу, иногда покусывая. Но не любить его было подобно самоуничтожению. Потому, преодолевая боль, она продолжала идти по замкнутому кругу своих чувств к нему. Безответность...

Хотя бы найти силы и подняться сейчас на пятый этаж, чтобы только прижаться к двери и лишь ударами своего возбуждённого сердца постучаться в его закрытую жизнь... Она мысленно бродила по квартире, осторожно касаясь стен, углов, его письменного стола...

Она ушла от реальности, не услышав шагов сзади. Настоящее шумное дыхание нервно отозвалось внезапностью.

Она отшатнулась, попав в куст сирени, где застыла, желая остаться незаметной.

– Чего все шарахаются? – беззлобно проямлила мужская тень и неустойчиво скрылась в подъезде.

Дверь хрипло просигналила и остановила своё движение, добавив яркого света пятачку надежды. Пьянящий аромат ночи, её дерзкое желание, свободное такси, не закрывающаяся парадная дверь – внезапные составляющие счастливого билета.

И она шагнула вперёд...

...Она открыла глаза, что-то непонятное медленно скользило по незнакомому кафелю персикового цвета... Счастье...

(2016)

Последствие стресса

Быть может, её проблема – в излишней ненавязчивости, скромности? Но подруга чётко и грубо определяет её основную черту характера – романтическая дура.

Жизненный опыт отмеряется не количеством прожитых лет, а умением правильно делать выводы из сложившихся обстоятельств. Хотя та же подруга уверена, что только дура попадает в сложившиеся ситуации, ведь истинная женщина сама строит эти ситуации в зависимости от преследуемой цели.

Как выплыть из житейских неурядиц, которые копятся во круг? Она всегда уступала место капитана, будучи ведомой, что определяло её сознание и стиль существования.

Но всё изменилось в одночасье. За сутки ровное течение жизни превратилось в сумятицу, запутав служебную иерархию. Как стихийное бедствие на неё свалилось новое назначение на роль начальницы, где в подчинении оказалось пятьдесят душ преимущественно мужских особей.

С представителями сильного пола у неё никогда не складывались взаимности и простые человеческие отношения.

Первой мыслью в застигнутом врасплох повышении было желание написать заявление «по собственному». Мужества хватило на звонок подруге, которая в мгновение, минуя мос-

ковские пробки, нарисовалась в её кабинете с видом триумфатора.

– Вот, где у нас они будут! – демонстрируя крупный кулак, ликовала подруга. – Это ж надо! Люди в замочные скважины пролезают, чтобы попасть в это кресло, а ты – раз – и в дамках! Нет! В ферзях! Нечего прятать уши, я с тобой! Прорвёмся и покажем всем этим пижонистым эгоистам, что такое власть женщины! Эх, мне бы твои полномочия!

Хотелось залезть под стол. Она вполне бы туда уместилась, будучи миниатюрной особой тридцати четырёх лет с природной гибкостью и умением быть незаметной. В природе это качество «серой мышки» давало шанс не быть съеденной. В человеческой структуре социума её незаметность заменилась неприметной незаменимостью. Задержаться после работы – пожалуйста, сверхурочные без премии – пожалуйста, частые командировки, работа в праздники, отсутствие конфликтов – пожалуйста...

Она стояла на пригородной платформе. Завтра понедельник. Дачные выходные успокоения не принесли. Мысли крошечными боязливыми зверюшками путали следы сознания.

Мощный прожектор осветил стальную параллель рельсов. Внезапное желание – вскочить в открывающиеся двери пригородной электрички, где среди пассажиров ждёт Гоша, он же Георгий Иванович с грязными ботинками и чистой душой. Гоша, готовый взять на себя все свалившиеся пробле-

мы. Москва не верит слезам, а верит надежде.

Но появившаяся электричка оказалась поездом дальнего следования и промчалась мимо. Надежда вновь помахала ручкой, уносясь прочь.

Понедельник неминуемо грозил катастрофой.

«Что делать?» и «Кто виноват?» – два автора в лице Чернышевского и Герцена спорили в её душе. На вопрос «Кто виноват?» привычно отвечало собственное чувство вины. Вопрос «Что делать дальше?» висел нерешаемой проблемой. При мысли, что она утром должна провести совещание, сердце пульсировало во всех капиллярах, во всех сгибах и морщинках.

Она попыталась слегка расправить плечи, увидев лучезарную подругу в строгом элегантном костюме на пороге нового кабинета.

Совещание прошло будто в тумане. Подруга с виртуозностью продавца в «магазине на диване» впихивала информацию несколько ошалевшим сотрудникам, представившись личным секретарём новоиспечённого руководства.

Подруга чеканила фразы как по писаному, изредка притормаживая передышкой на лице «серой мышки», которая судорожно кивала в ответ, мечтая провалиться сквозь все этажи стеклянного офиса.

Оставшись наедине, подруга, скинув каблуки, грузно обмякла в кресле:

– Мы их сделали! Ты – просто молодчина! Твоё молчание

звучало весомо и аргументированно. Они поверили в твою миссию. И я уверена, никто даже не догадался, что ты находилась в глубоком обмороке. Супер! Так! Отставляем твою кому в сторону. Я покопаюсь в договорах, втиснусь в ваш муравейник, о гонораре – позже, о моём трудоустройстве – сейчас, чтобы полномочия были реальными. Ты не против?

«Мышка» кивнула. Её бы воля, она с удовольствием передала бы все бразды правления в надёжные руки. Мысли с облегчением приостановили аритмию. Она с восторгом и теплотой посмотрела на раскрасневшуюся подругу.

В тайном тандеме они продержались больше месяца. Но баланс взял своё. Высшее руководство, заметив оплошность в преобразовании, вернуло прежнего руководителя на занимаемую ранее должность. Подруга, зарекомендовав себя блистательным оратором и организатором, осталась личным секретарём восстановленного босса. «Мышка», доказавшая свою компетентность на заменяемой должности, стала незаменимым замом, волоча всю бумажную рутину организации. И волки сыты, и овцы целы.

Но стресс не прошёл даром.

Впервые за много лет она почувствовала в своей душе необъяснимую лёгкость. Колебания разума «быть или не быть» таяли безвозвратно. В её осанке появилась женская решимость на изменение пространства вокруг себя.

Он познакомился с ней на платформе воскресным вече-

ром, ожидая пригородную электричку.

– Гоша, если позволите.

(2016)

Должны сбываться

Она всегда мечтала быть брюнеткой. Ну что за цвет – блеклый?! Не то серый, не то белёсый, как поганка! А может, перламутр? Мутр – муторно! Нет. На жемчужину она совсем не была похожа. Продолговатая, ершистая, она могла убрать любую мешающую скверность, скрасить одиночество массажем, но сама была совершенно не красива, абсолютно не лирична и без налёта нежности. И терпеть не могла его утренние и вечерние зауныния, эти непонятные мычащие напевания в душе, когда его рот был полон зубной пастой.

Она любила свой прозрачный мир с почти хрустальным звоном, когда он оставлял ее, погружая в хрупкое пространство, и она забывалась сама с собой. Глубина мыслей ей тоже не была знакома, и только заветная мечта часто-часто навещала ее – желание не слышать его песни и стать обязательно брюнеткой. Ее раздражал яркий противный свет, включающийся неожиданно и будто бы нарочно, чтобы прервать ее мечтания. И потом, после световой вспышки, он грубо хватал ее и заставлял слушать гнусавые ноты каждое утро... Как ей всегда хотелось вырваться!

И однажды это случилось.

После очередной вспышки света рядом с ней брякнуло нелепое создание с темной щетиной, которое укололо ее. Она отвернулась, пытаясь игнорировать. А потом ее тонкое

тело понеслось куда-то далеко, и ветер щекотал ее прозрачные волосы. А после – ящик и темнота, и странный приторный запах. Поначалу незнакомый аромат щекотал, волоски пропитывались чем-то маслянистым. Но, оставаясь в темноте, она постепенно стала погружаться в этот липкий воздух, и ей понравилось. А вдруг так пахнет мечта? Ей казалось, что она проваливается в другое состояние, в другой поглощающий мир!

Раздражающей вспышки долго не было, наоборот, откуда-то издалека несмело стал пробираться робкий свет. Он совершенно не ослеплял, а как бы приманивал, постепенно раскрывая яркость. Этот чарующий нежный, но тем не менее нарастающий свет – ее второе удивление. Быть может, она вот-вот встретится с мечтой?

...Он открыл ящик в прихожей, достал зубную щетку, которой нашел новое назначение и, жестко провернув ею в плоской баночке с кремом, жирно размазал черную кляксу по ботинку. Через несколько секунд его обувь начищенным блеском радовала новый день.

Она, оказавшись в его руке, на миг увидела яркую незнакомку в зеркальном кусочке на уровне пола. Ого! Какая красotka! Истинная брюнетка! Как жаль, что это – не я... Я?! Боже мой, это я?! Моё отражение?!

Зубная щетка подпрыгнула и с гордостью констатировала – мечты сбываются! Я больше не услышу его нудное утреннее песнопение, и вместо резкой вспышки меня ждет

томный медленный рассвет и новый день – истинное наслаждение! Поскольку не важно кто ты – главное, чтобы мечта сбывалась!

(2018)

Целебный вздох

Я села за руль. И, как всегда, время у меня в минусе. Если застряну сейчас в пробке – босс съест меня с проектом не жуя.

Презентацию неожиданно перенесли на два дня раньше. Но я, как хорошая девочка, подготовилась. Единственное, что я не успела, это перечитать своё гениальное сочинение с эмоциональным порывом. Обычно я выделяю красным маркером там, где надо усилить звук голоса, придав ноткам восторженность. Текст с жёлтым маркером означает мою воздушную интонацию и паузы. Но сегодня я не успела расставить акценты. А значит, буду спотыкаться и мямлить.

– Так и есть! Пробка!

Звонок шефу – не отвечает! У него перед важной презентацией приступы антиклаустрофобии – он запирается в подсобном помещении два на два метра и медитирует. Что уж он там делает в действительности – никто не знает. Иногда от него исходит запах сигарет, причём он не курит, иногда запах дорогого виски. Наверное, как духи, наносит точечно, потому что не пьёт ничего, кроме минералки. В общем, загадочная мужская сущность. Но он-то уже на месте, а мне, похоже, тут до обеда нервничать.

Звонок. Не успев сказать «привет, дорогая», я осторожно выдыхаю, чтобы поток воздуха не нарушил нервную тираду

моей подружки Лики.

– Нет, ты представляешь, какая он сволочь. Утром сю-си-пуси, поцелуйчики, потом душ... И... (она рыдает, я ровно дышу, регулируя газ-тормоз). И вдруг звонит его телефон, а там... (снова всхлип). Не просто номер, а фотография ТАКОЙ красотки, что я чуть не поперхнулась, с ногами невероятной длины в мини-юбке. И подпись – Дусечка. Прямо Дульсиня Тобосская, представляешь?

(Я представила длинноногую Шарлиз Терон в рекламе духов).

– Ты меня слышишь?

– Конечно, дорогая.

– Когда он вышел из душа, я прямо ему под нос эту фотку. Кто это? Быть может, я крикнула, но меня можно понять. И как тебе его ответик – не мигая, произносит – это девушка! Потом, вглядываясь, добавляет – симпатичная девушка. Делает вид, что его это не беспокоит. Молча делает себе кофе, молча его пьёт. Я начинаю ощущать себя дурой. Будто эта особа звонила мне, а не ему. Это после двух лет совместной жизни, он даже не стал объяснять, кто это?

(Звонок по второй линии).

– Лика, подожди секундочку, попей водички, не отключайся, у меня вторая линия.

– Да, дорогая, слушаю.

В ответ тишина.

– Ириш, чего ты молчишь? Я разговариваю с Ликой по те-

лефону, давай я тебе перезвоню, хорошо? – предложила я.

– Не бросай меня...

(Вот те на! Что за утро. Пробка! Моё сумасшедшее опоздание на презентацию! Истерика у Лики и тихое сумасшествие у Ириши! Отличное начало дня!)

– Ириш, что случилось?

– Он собрал чемодан... пошёл за сигаретами...

(В моей голове тут же возникла спасительная мысль – если сразу не взял вещи, оставил, а сам пошёл за сигаретами, значит, он ждёт, чтобы его остановили. Я поделилась мыслями с Иришей).

– Не знаю... (рыдание)

– Попей водички, не отключайся, я сейчас.

– Алло, Лика. Мне кажется, тебе не стоит впасть в ярость. Скорее всего, особа с длинными ногами на фото просто коллега. Если было бы что-то серьёзно, он не вёл бы себя столь равнодушно, как описываешь ты.

– Что за идиотская мелодия у тебя на телефоне, поставила бы попсу.

(Если подруга обращает внимание на музыкальную паузу, значит, готова выйти из истерики, – подумала я).

– Лика, твой ушёл на работу? Ты свободно можешь говорить?

– Ушёл, только не знаю куда, у него сегодня выходной...

– А что сказал на прощание?

– На прощание? (вновь слышу рыдания)

– Да не на прощание, а когда уходил. Лика, прекрати! Иди водички попей...

– Алло, Ириш, ты здесь? Хорошо... милая моя, а что вчера вечером было у вас, вы поссорились?

– Нет...

– А с чего он собрал вещи? А ты уверена, что там его личные вещи, а не для химчистки?

– В чемодане его вещи, он при мне собирал их...

– И ничего не объяснял?

– Нет... (рыдание)

– Подожди секундочку, Ириш...

– Алло, Лика! Давай не пороть горячки, а всё взвесим. Уходить от тебя он не собирается, просто пошёл прогуляться, например, за сигаретами...

– Он не курит... А вот надушиться успел, сволочь такая... Ой, подожди, кто-то звонит в дверь...

Бесконечная пробка. Мне кажется, я за рулём уже целую вечность, а проехали только один перекрёсток. Мне бы начальнику позвонить, чтоб развлекал комиссию, пока я пробираюсь, но не могу же я бросить рыдающих близких людей без сочувствия и поддержки.

– Алло, Ириша, скажи, он был груб с тобой?

– Нет.

– Просто молча собирал вещи? А ты чего молчала? Мужик куда-то сваливает, а ты как амёба. Ты, в конце концов, себя уважаешь? – я начинала раздражаться.

(Амёбность одной, истерика другой, пробка и однозначная катастрофа на работе.

Мужик справа целенаправленно рассматривает меня через стекло. Захотелось плеснуть в него водой. В подстаканнике бутылка, но жидкость может пригодиться, если пробка продлится вечность. Стоп! При чём тут мужик?

Обе мои подруги, вполне адекватные и весёлые при обычных обстоятельствах, одновременно сходят с ума от тупиковой ситуации в межличностных отношениях. Одна ревнует, вторая, похоже, теряет на веки вечные объект обожания).

В ухо, неожиданно вибрируя, пришло сообщение. Скорее всего, от шефа.

– Так, девочки, висим на линии, не отключаемся, пьём воду, секундный перерыв в эмоциях.

Хорошо, что красный свет, иначе я бы врезалась. Читаю: «Мне нужен развод. Срочно» – сообщение от любимого мужа.

Что? Как? В городе случилась эпидемия? И все нормальные мужики враз заболели шизофренией в острой форме? Господи, что происходит!? Внезапные слёзы заслонили ви-

димось.

Выключив подруг из эфира, я набрала номер мужа.

«Абонент вне зоны действия» Маразм!

Я остановилась у обочины, не обращая внимания на сигналы гудков. У меня жизнь рухнула!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.